

Международное высшее образование

ВЫПУСК

89

Весна

2017

Кризис интернационализации
в эпоху Трампа и брекзита

Рейтинги

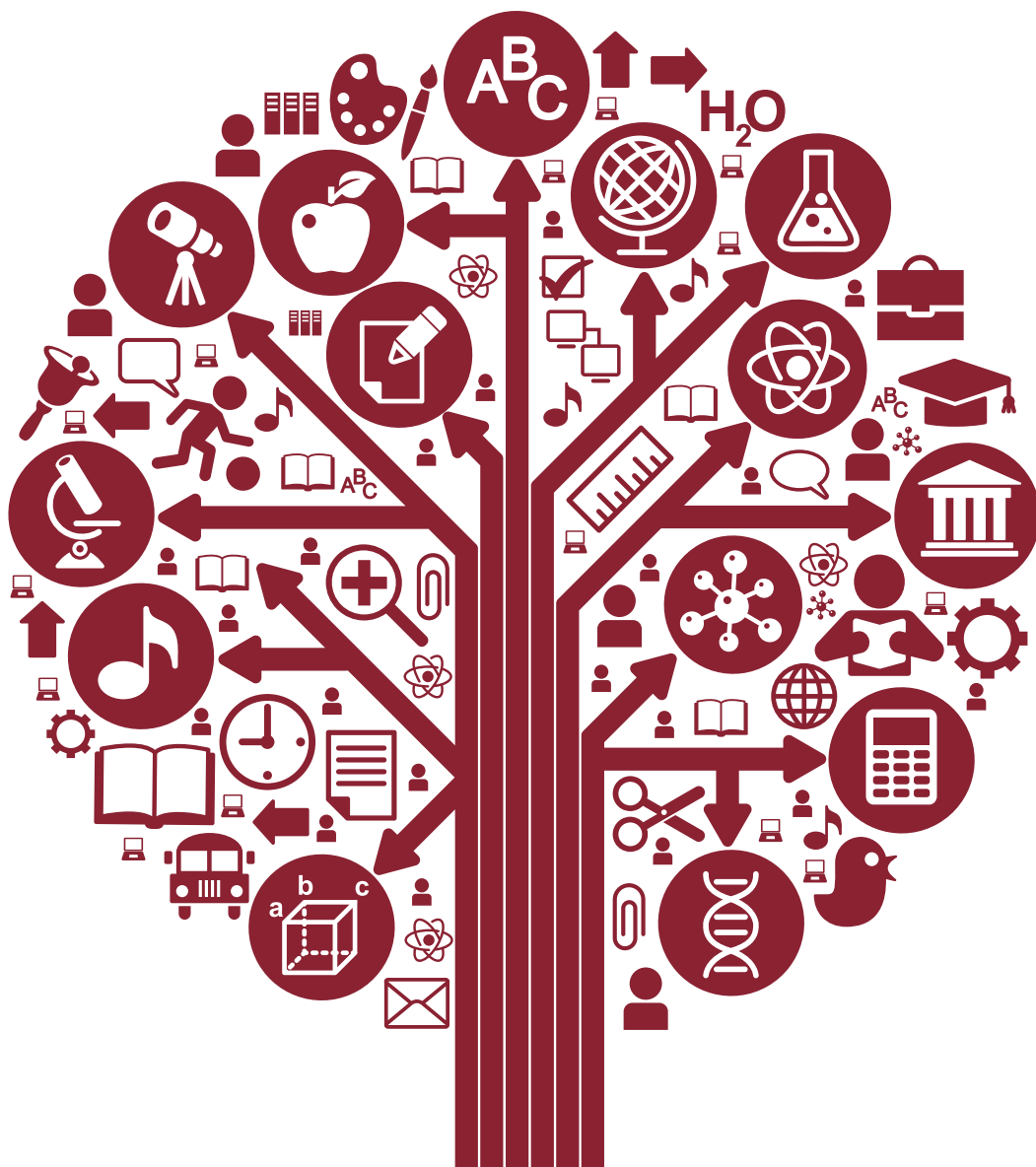
Академическая
профессия

Международные
вопросы

Африка

Студенческая
мобильность

Латинская
Америка

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 41 исследовательский центр и 32 международных лаборатории, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№89 / Весна 2017

Кризис интернационализации в эпоху Трампа и брекзита

- 6 Отторжение «других»
Гэри Родз
- 7 Трамп и грядущая революция интернационализации высшего образования
Филип Альтбах, Ханс де Вит
- 9 Академическая мобильность в эпоху Трампа и брекзита
Людвика Лейсите, Анна-Лена Розе

Рейтинги

- 11 Способствуют ли рейтинги повышению эффективности?
Саймон Марджинсон
- 13 Гонка за рейтингами в период массовизации высшего образования: забудьте о них!
Филип Альтбах, Эллен Хэйзелкорн

Академическая профессия

- 15 Академическая профессия в США под угрозой
Мартин Дж. Финкельштейн
- 17 Таджикистан: вызовы для университетов и преподавателей
Зумрад Катаева

Международные вопросы

- 19** Как сделать Gap year реальностью: шесть вопросов для обсуждения
Дория Абдулла
- 20** Каковы преимущества открытия филиалов иностранных вузов? Опыт Абу-Даби
Джейсон Э. Лейн, Ханс Поль

Африка

- 22** Выживание высшего образования в Южном Судане
Куйок-Абол Куйок
- 25** Гендерное неравенство среди студентов инженерно-технических программ африканских университетов
Эрик Фредуа-Квартенг, Кэтрин Эффа

Студенческая мобильность

- 26** Монголия: высшее образование и мобильность
Брайс Лу
- 28** Что говорит статистика о трансграничном онлайн-образовании?
Рейчел Мерола

Латинская Америка

- 31** Дилемма коммерческого высшего образования Бразилии
Марселу Кнобель, Роберт Верхайн
- 32** Колумбия: проблемы стремительных реформ
Иван Ф. Пачеко

Отторжение «других»

Гэри Роадз

Гэри Роадз — профессор, директор Центра по изучению высшего образования Университета Аризоны, США. E-mail: grhoades@email.arizona.edu.

Нынешняя политика Запада характеризуется отторжением «других» — представителей этнических групп, отличающихся от преобладающих в западных странах людей европеоидного типа, что влечет за собой серьезные последствия для высшего образования. Подобное отношение проявляют популистские движения правого толка, которые охватили мир в прошлом году. Националистические политические кампании и кандидаты бросают вызов традиционным политическим партиям, институтам (включая университеты) и господствующим в обществе взглядам на свободу перемещения людей и товаров, а также на пользу интернационализации и многообразия. Кроме того, отторжение «других» пересекается с процессом политической деконструкции социал-демократического общественного договора и государства всеобщего благосостояния. Это очевидным образом проявляется в систематических посягательствах на институты бюджетного сектора, в том числе на вузы, и в изъятии из них капиталовложений.

Антиинтернационализация

По большому счету отторжение интернационализации носит глобальный характер. Страны и регионы одни за другими приходят к идее мобилизации против (им)мигрантов, мусульман и самой идеи мультикультурализма. Последними примерами являются брекзит и Европейский союз или кампании и политические программы таких политиков, как Дональд Трамп, Норберт Хофер из австрийской Партии свободы или Марин Ле Пен из французского «Национального фронта». В худшем своем виде подобные кампании выносят на всеобщее обозрение самые безобразные и неприглядные элементы национальной и общечеловеческой истории. Каждая такая кампания построена на идее восстановления идеализируемых достижений прошлого в конкретной стране путем противостояния притоку людей и концепций, ставящих доминирующую историческую культуру под сомнение.

Что все это означает для университетов

Университеты, как правило, не участвовали в подобных кампаниях и оказались по большей части беспомощны в отношении них. Однако дискурс, методы работы и стратегии, используемые правопопулистами, напрямую противостоят всему тому, чего придерживаются университеты. Более того, правопопулисты, равно как и представители нелиберального

политического истеблишмента, которые в последние годы сокращали государственное финансирование вузов, объявляют высшее образование частью проблем, которыми страдает общество, а не их решением. Идет обесценивание и демонизация так называемой прогрессивной, политически корректной, мультикультурной идеологии вузов, их интернационального характера, что в итоге используется для обоснования сокращения бюджетных расходов на высшее образование. Привлечение, наем, принятие и вообще положительное отношение к «другим», восхваление многообразия, свойственное прогрессивным и инклюзивным государственным университетам, делает их воплощением зла в глазах демагогов и политических идеологов правого толка.

...отторжение «других» пересекается с процессом политической деконструкции социал-демократического общественного договора и государства всеобщего благосостояния.

Государственное финансирование университетов сокращалось по мере усиления многообразия в них. Это особенно ярко видно на примере США, где демографические изменения сопровождались сокращением бюджетных расходов. Повышение доступности высшего образования (которое по-прежнему доступно не всем) для различных демографических категорий молодежи — бедных, цветных, иммигрантов — сопровождалось снижением государственного финансирования и аналогичными процессами в начальном и среднем образовании. В Европе это не так заметно, т.к. увеличение доли студентов, представляющих этнические меньшинства, происходило гораздо медленнее. Тем не менее данные подтверждают, что и в Европе прирост иностранных студентов нередко вызывал напряженность как на местном уровне, так и на уровне государственной политики. Это особенно верно в отношении Великобритании. Впрочем, такие процессы происходили и в континентальной Европе, чьи университеты и другие образовательные учреждения зачастую открыто озвучивают и поддерживают принципы, которые канцлер Германии Ангела Меркель обозначила как Willkommenskultur («культура гостеприимства»).

Возвращение классового неравенства и включение «других»

В то же время у университетов, равно как и у правого популизма, есть обратная сторона. Университеты на протяжении долгого исторического периода были закрыты для целых групп населения на основании половых, этнических и классовых различий. С точки зрения популистов, университеты представляют собой часть истеблишмента, изнеженных элит. И такое представление нельзя считать полностью неверным.

Несмотря на повышение доступности высшего образования для детей представителей рабочего класса, в мире по-прежнему слишком много университетов, которые обслуживают преимущественно национальную и международную элиту. Более того, во времена стагнации внутреннего рынка потенциальных покупателей (в случае с высшим образованием речь идет о традиционных студентах) университеты, как и бизнес-корпорации, обратились к мировому рынку, непропорционально насыщенному богатыми международными студентами. Обучающиеся за границей студенты, не важно, учатся ли они по программе «Эразмус» в Европе или на общих основаниях, существенно чаще оказываются представителями экономически благополучных и хорошо образованных групп населения, чем остальные студенты.

Таким образом, если смотреть с классовой точки зрения, кто же выигрывает от интернационализации? Вузы, которые привлекают преимущественно обеспеченных иностранных студентов, слишком часто игнорируют местных, не столь обеспеченных студентов. В большинстве элитных университетов уровень культурного многообразия возрос бы, если бы они открыли двери малоимущим абитуриентам разного этнического и национального происхождения, живущим в тех городах, где расположены эти вузы, в то время как сейчас эти университеты добиваются повышения многообразия за счет привлечения относительно обеспеченных иностранных студентов или в случае с США — студентов из других штатов.

Университет Кембриджа недавно выпустил доклад, в котором говорится об отрицательных последствиях брекзита как для самого Кембриджа, так и для британского высшего образования в целом. Я сомневаюсь в том, что обычная рабочая семья откуда-нибудь из промышленного района центральной Англии, то есть люди, на протяжении десятилетий страдавшие от экономической нестабильности и снижения объемов производства, стала бы сочувствовать Кембриджу или другим ведущим университетам. Не стали бы им сочувствовать и 15-20% населения Кембриджа, живущих за чертой бедности. И их можно понять. Оказалось, что так называемая «новая экономика» не слишком отличается от старой, судя по тому, кто занимается тяжелым трудом, а кто по-прежнему пожирует его лучшие плоды.

Во всем мире растет классовое неравенство между трудящимися и держателями капитала, что ведет к искажению социал-демократического общественного договора и общественных институтов. Лидеры и преподаватели университетов определенно должны удвоить прилагаемые усилия и найти новые пути эффективного противостояния ксенофобии, расизму, мизогинии и гомофобии, то есть тому, что во многом является определяющим для правопопулизма. Мы также должны усвоить урок, который преподнес нам рост популизма, и заняться сокращением классового расслоения, царящего и в академическом сообществе, и в обществе в целом и делящего мир на относительно богатое меньшинство и слишком крупное бедное большинство. Мы должны понять, как полноценно реализовать нашу ответственность в области демократизации обществ, в которых мы живем. Демократизация означает поиск нового равновесия между глобальным и локальным и расширение возможностей, доступных социальной группе «других» (как на национальном, так и на международном уровне) — людям, которые по-прежнему зачастую остаются невидимыми и которые оказываются преданы образовательному забвению в результате сложившихся в академической среде представлений, принципов и практик.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9756>

Трамп и грядущая революция интернационализации высшего образования

Филип Альтбах, Ханс де Вит

Филип Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США.

Ханс де Вит — директор центра. E-mail: altbach@bc.edu; dewitj@bc.edu.

В последние месяцы мы стали свидетелями радикальных перемен в подходах к интернационализации высшего образования, которая стремительно развивалась на протяжении полувека. Последним «цунами» можно считать ограничение на въезд в США граждан семи стран с преимущественно мусульманским населением — мера, которая привела к полному хаосу. Брекзит, приход к власти в Польше и Венгрии националистов, сосредоточенных исключительно на собственных интересах, рост правого популизма

в Европе — все это можно назвать условиями «нового мирового порядка» в области интернационализации высшего образования. Некоторые наблюдатели полагают, что эти тенденции сохранятся, однако мы не можем с ними согласиться. Мы не утверждаем, что мобильность сойдет на нет, или что академическое сообщество откажется от идеи интернационализации, или уж тем более что интернационализация как «рынок» потеряет свою привлекательность для действующих коммерсантов. Но мы считаем, что мы стоим на пороге эры фундаментальных перемен.

Нужно не забывать о том, что интернационализация высшего образования — это набор идей и стратегий. Эти идеи включают в себя признание положительных аспектов глобализации и понимание того, что глобализация навсегда вошла в мировую экономику; стремление к мировому согласию; уважение разнообразных культур; открытость общества, которое приветствует развитие сотрудничества между различными политическими, культурными и экономическими партнерами. Интернационализацию нередко называют элементом «мягкой силы», которой обладает то или иное государство. В последние годы практическая составляющая интернационализации превратилась в большой бизнес: университеты, частные компании, поставщики образовательных услуг, страховые компании, рекрутинговые агентства и т.д. тратят на программы интернационализации и зарабатывают на них многие миллиарды долларов, евро и других валют. Иностранцы принесли в экономику США более 32,8 млрд долларов. А в университетах Великобритании средства иностранных студентов составляют примерно одну восьмую дохода. Эти же студенты ежегодно приносят стране около 7 млрд фунтов стерлингов помимо платы за обучение.

И хотя в последние годы наиболее идеалистические аспекты интернационализации в погоне за прибылью подверглись влиянию коммерциализации, фундаментальные цели остаются прежними. В целом академическое сообщество по-прежнему предано этим ценностям. Но практическая сторона дела, по-видимому, в корне изменится, и это повлечет за собой серьезные последствия для международных студентов и ученых, которые хотят работать за границей или сотрудничать с зарубежными коллегами, а также для вузов и правительств, которые привыкли к доходу, который они получают благодаря развитию всех аспектов мобильности. А будущее более чем 200 филиалов иностранных вузов, главным образом европейских и американских, многие из которых расположены в мусульманских странах, может оказаться под угрозой.

Внешние реалии

Мировые политические реалии меняются ежечасно, что наглядно продемонстрировали иммиграционные ограничения, вводимые администрацией Трампа. Вероятно, следует ожидать «усиленных проверок»

всех въезжающих в страну. Британское правительство изменило юридическое определение иностранных студентов и приравнивало их к иммигрантам, что тоже ведет к нестабильности. Политические и мировоззренческие изменения в восприятии роли студенческой и академической мобильности ожидаются и в других европейских странах. Сейчас, когда ключевая европейская программа мобильности «Эразмус» празднует свое 35-летие, ее будущее, равно как и будущее других программ по развитию научного сотрудничества и образовательного потенциала, под угрозой в связи с резким сокращением бюджета в результате роста антиевропейских настроений среди представителей и сторонников правых партий. Нынешняя западная тенденция к «закрытию границ» или по крайней мере к введению дополнительных ограничений может усугубиться. Пока непонятно, захотят ли страны, затронутые дискриминационной политикой Запада, отплатить тем же и приведет ли это к своего рода «торговым войнам» за интернационализацию высшего образования.

В то же время будет много примеров того, как американские и европейские университеты, преподаватели и студенты будут противостоять перечисленным выше тенденциям и помогать продвижению международной солидарности, сотрудничества и обменов.

Но есть и контрпримеры. Канада ясно дала понять, что ее границы останутся открытыми и что она расширит программы поддержки международной мобильности, причем у иностранных выпускников канадских вузов останется возможность получить канадское гражданство. Другие страны, такие как Китай и Индия, могут начать работать над повышением привлекательности своих вузов для зарубежных студентов и ученых. В Азии, Латинской Америке и Африке есть тенденция к усилению международной мобильности как внутри этих регионов, так и между ними, и она будет усиливаться.

Риторика и политика Дональда Трампа, Терезы Мэй и других лидеров даже не требуют полной реализации. Проявления враждебности и дискриминации, агрессивное отношение к путешественникам в пунктах пересечения государственных границ, трудности с получением виз и другие проблемы, реальные или кажущиеся, будут влиять на то, что люди думают о мобильности и интернационализации. Джинн вылез из бутылки, и засунуть его обратно будет непросто.

До нынешнего момента интернационализация воспринималась как западная концепция, которая отвечает главным образом интересам развитых стран. Но теперь, когда Запад закрывает свои границы, вероятно новая революция в сфере интернационализации высшего образования, и происходит она будет в развивающихся странах и странах с переходной экономикой.

Вероятные последствия

Точно предсказать последствия описанных выше тенденций невозможно, однако представляется вероятным, что:

- паттерны студенческой мобильности заметно изменятся, что повлияет на уже сокращающийся объем рынка международных образовательных услуг в США и Великобритании;
- в мире ухудшится восприятие США, Великобритании и других европейских стран, которые следуют их примеру и движутся в сторону ксенофобии и нетерпимости; это приведет к ухудшению позиций университетов этих стран в международных рейтингах, снижению научного сотрудничества и падению других показателей образовательного престижа;
- больше всего пострадают государственные вузы США и Великобритании, бюджетное финансирование которых продолжит снижаться, так же как и число иностранных студентов, оплачивающих свое обучение;
- небольшие университеты и колледжи, которые уже столкнулись с проблемами демографического характера и чье выживание нередко зависит от притока международных студентов, рискуют закрыться;
- международные филиалы американских и британских вузов, а также другие формы трансграничного образования, предложенные этими странами, замедлят развитие, а на их место придут университеты других стран, включая Индию и Китай; страны Ближнего Востока и других регионов, в которых расположены филиалы западных вузов, будут их меньше поддерживать;
- стипендиальные программы вроде американского «Фулбрайта» или европейского «Эразмуса» ожидают существенные бюджетные сокращения, которые приведут к снижению студенческой и научной мобильности;

- интернационализацию, которую уже считают атрибутом в первую очередь элитарных вузов, смогут себе позволить лишь наиболее престижные университеты.

В то же время будет много примеров того, как американские и европейские университеты, преподаватели и студенты будут противостоять перечисленным выше тенденциям и помогать продвижению международной солидарности, сотрудничества и обменов. Глобальное гражданство — концепция, которую Трамп и Мэй отрицают, — станет ключевым фактором в борьбе вузов за автономность и академическую свободу. Реакция руководителей, сотрудников и студентов американских университетов и колледжей на введенные администрацией Трампа ограничительные меры явно показывает, что они являются противниками такой политики. Такая реакция вызвана не тем, что они боятся потерять прибыль, а тем, что они испытывают преданность фундаментальным принципам высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9758>

Академическая мобильность в эпоху Трампа и брекзита

Людвика Лейсите, Анна-Лена Розе

Людвика Лейсите — профессор наук о высшем образовании, Анна-Лена Розе — научно-учебный ассистент и аспирант, Центр высшего образования Технического университета Дортмунда, Германия. E-mail: liudvika.leisyte@tu-dortmund.de; anna-lena.rose@tu-dortmund.de.

Академическая мобильность и привлекательность национальных систем высшего образования все чаще ассоциируются с академическим превосходством, динамичностью, включенностью в международные сети, научными достижениями, развитием трансфера знаний и технологий и в конечном итоге с улучшением социально-экономического благосостояния населения. Успешность вузов, измеряемая по результатам обучения и научной деятельности, а также умению получать крупные научные гранты, в огромной степени зависит от профессорско-преподавательского состава. В условиях роста международной академической конкуренции возможность привлечь талантливых профессоров во всем мире становится ключевым элементом успеха и для университетов, и для экономических систем. Тем не менее текущие политические процессы, характеризующиеся ростом

популизма, национализма и резкой антииммиграционной риторики, могут вызвать существенные изменения в сложившихся традициях международной академической мобильности.

Традиционные паттерны академической мобильности

Наиболее привлекательными для лидирующих мировых ученых сегодня являются такие европейские страны, как Австрия и Великобритания (иностранцы составляют 25% ученых); Дания, Ирландия, Нидерланды и Норвегия (по 30%); Люксембург и Швейцария (более 50%). Данные Национального научного фонда США за 2016 год показывают, что более половины работающих в стране постдоков в области естественных и инженерных наук были рождены в других странах. Однако нынешние паттерны развития академической мобильности продолжают способствовать укреплению неравенства между центрами академической жизни, которые перечислены выше, и академической периферией (используя терминологию Ф. Альтбаха), к которой относятся небольшие, географически удаленные, экономически слабые страны, как правило менее привлекательные для международных ученых. Проигравшей стороной в этом круговороте научных кадров традиционно становятся страны Центральной и Восточной Европы, Южной Европы, Латинской Америки, некоторые азиатские государства, а также многие развивающиеся страны.

Наше недавнее исследование паттернов академической мобильности в таких странах Центральной и Восточной Европы, как Эстония, Чехия и Литва (традиционно закрытые системы, характеризующиеся переходной экономикой, самобытной историей и культурой, а также политикой протекционизма в отношении своих национальных языков), показало, что этим странам с трудом удается привлекать и удерживать иностранных исследователей и что они страдают от утечки мозгов. Основными препятствиями для привлечения зарубежных талантливых ученых являются сравнительно низкие зарплаты, непрозрачность процесса принятия кадровых решений, высокий уровень nepотизма и академического инбридинга, а также недостаточное знание старшими поколениями местных ученых иностранных языков. В странах Балтии, в особенности в Латвии, дополнительным препятствием для иностранцев является требование о владении местным языком. Мы обнаружили, что ученые, переезжающие в страны Центральной и Восточной Европы, руководствуются другими факторами, нежели их коллеги из других стран. Вместо карьерных перспектив, доступности новейших знаний и оборудования, академической автономии и свободы, низкой преподавательской нагрузки и большого времени для исследовательской деятельности наши респонденты часто называли причины личного или семейного характера в качестве главных факторов переезда, а также интерес к истории, культуре и языку выбранной страны.

Хотя политики заявляют о необходимости привлечения талантливых иностранных ученых, никаких конкретных мер не принимается, а существующие юридические проблемы, связанные с системой выплаты зарплат и иммиграционным законодательством, по-прежнему не решены. В то же время нельзя не отметить, что странам Центральной и Восточной Европы удалось существенно улучшить научную инфраструктуру благодаря финансовым вливаниям из фондов Европейского союза. Кроме того, вузы этих стран увеличивают количество курсов и программ на иностранных языках (чаще всего на английском), что способствует вовлечению иностранных ученых в образовательный процесс. Наконец, все большее число университетов стран Центральной и Восточной Европы, которые не могут привлечь иностранных ученых на стандартных условиях, используют альтернативные стратегии, такие как частно-государственное партнерство, что позволяет создать для иностранных ученых более привлекательные условия за счет более высоких выплат и возможности выделения большего времени на научную деятельность.

Брекзит и Трамп: меняются ли правила игры?

В условиях возрастающего во многих странах популизма, национализма и антииммиграционной риторики вопрос привлечения и удержания талантливых ученых для обеспечения конкурентоспособности науки и высшего образования становится особенно важным и для Европы, и для США. В свете таких недавних событий, как прошедший в 2016 году референдум за выход Великобритании из ЕС (известный как брекзит) и объявление президентом Трампом новой американской иммиграционной политики, мы делаем предположение, что количество ученых, въезжающих в обе страны, уменьшится. Более того, судя по последним новостям из Великобритании, работающие там ученые — граждане других стран ЕС уже были проинформированы Министерством иностранных дел о том, что им нужно готовиться к отъезду из страны. Для иностранных ученых становится значительно меньше поводов и возможностей для того, чтобы переезжать и работать в этих странах. Приведет ли это к тому, что у других стран появятся возможности привлечь к себе таланты?

Для стран Центральной и Восточной Европы, находящихся в условиях демографического спада, высоких показателей эмиграции (особенно среди молодежи) и старения профессорско-преподавательского состава, привлечение студентов и ученых из-за рубежа становится все более значимым элементом обеспечения конкурентоспособности и в конечном итоге выживания национальных систем высшего образования. Мы ожидаем повышения понимания значимости изменения национальных и институциональных практик, а также нормативной базы для привлечения иностранных научных кадров. На фоне стран Центральной и

Восточной Европы Эстония выделяется как успешный пример реализации стратегий и формулирования на национальном и институциональном уровне четких целей по привлечению зарубежных талантливых ученых. За 10 лет, прошедших с момента вступления Эстонии в ЕС (2004-2014 годы), количество иностранных преподавателей и ученых, работающих в вузах страны, увеличилось почти в 8 раз и превысило 8% от общего числа. Инвестирование в решение задачи привлечения ведущих ученых через процедуру открытого рекрутинга и информирование о вакансиях в журнале Science наблюдается в Польше, и можно предположить, что вскоре другие страны региона последуют ее примеру.

**На фоне стран
Центральной
и Восточной Европы
Эстония выделяется
как успешный пример
реализации стратегий
и формулирования
на национальном
и институциональном
уровне четких целей
по привлечению
зарубежных
талантливых ученых.**

Вероятно, изменение условий привлечения и работы иностранных ученых в США и Великобритании расширит диапазон возможностей для стран Центральной и Восточной Европы, а также других стран, ранее находившихся на периферии международного высшего образования. Если они смогут избежать национально-изоляционных тенденций и будут следовать имеющимся положительным примерам снижения препятствий для входящей мобильности, они могут стать более привлекательными для талантливых иностранных ученых. В этом случае мы можем ожидать существенного перераспределения трендов международной академической мобильности.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9761>

Способствуют ли рейтинги повышению эффективности?

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — профессор международного высшего образования, Институт образования, Университетский колледж Лондона; директор Центра глобального высшего образования (CGHE), созданного Английским советом по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE) и Советом по экономическим и социальным исследованиям (ESRC). E-mail: S.Marginson@ucl.ac.uk.

Глобальные рейтинги университетов появились всего 13 лет назад, но при этом они успели не только стать неотъемлемой частью мирового образовательного ландшафта, но и значительно изменить его. От рейтингов никуда не деться. Те, кто связан с высшим образованием, и те, кто не связан, все хотят понимать, что происходит в этой сфере, а рейтинги — самый простой способ это сделать. Рейтинги формируют своего рода иерархию вузов и находятся в основании партнерских стратегий. Ими руководствуются поддерживающие науку инвесторы. Тысячи студентов, преподавателей и ученых по всему миру принимают решения, отталкиваясь от рейтингов, несмотря на фрагментарность данных, на которых они основаны, и на порочные эффекты всех рейтингов, и хороших, и плохих.

Глобальные рейтинги превратили высшее образование в реляционное пространство, в котором одни возможности увеличились, а другие, наоборот, оказались заблокированы. Это произошло благодаря трем особенностям рейтингов. Первая — конкуренция: благодаря рейтингам в мире закрепилось понимание высшего образования как конкурентного рынка как для вузов, так и для целых стран. Эта конкуренция связана в основном с качеством проводимых исследований, которое является основным ядром рейтингов, и с академической репутацией. Вторая особенность рейтингов — иерархия: рейтинги — ключевой элемент системы оценки деятельности вузов, в котором, однако, реальным знаниям выпускников и дипломам, которые выпускники предъявляют на национальных и глобальном рынках труда, присваиваются неравные веса. Рейтинги становятся инструментом, более плотно связывающим университеты с геополитикой, рынками труда и общественным устройством, в котором царит неравенство и в рамках которого они функционируют. Третья особенность — эффективность: рейтинги внедрили в систему высшего образования экономику достижений, которая контролирует поведение вузов и нередко становится причиной маниакального стремления постоянно что-то улучшать.

Глобальные рейтинги превратили высшее образование в реляционное пространство, в котором одни возможности увеличились, а другие, наоборот, оказались заблокированы.

Неравная конкуренция

Элементы естественной конкуренции существуют и в исследованиях, и на рынке труда. Но, делая конкуренцию основой индикаторов, стимулирования иощрения, рейтинги придают ей значительно больше силы и первозданности. Они превращают ее в основную стратегию для многих руководителей университетов. И в целом это ведет к снижению солидарности и сотрудничества в сфере высшего образования.

Мы продолжаем сотрудничать друг с другом, несмотря на рейтинги. Может показаться, что рейтинги стимулируют интеллектуальное сотрудничество через учет совместных публикаций, однако такая стратегия часто объясняется опять же индивидуальным интересом, так как совместные публикации повышают показатели цитируемости. Как бы там ни было, суть в том, что благодаря рейтингам принцип распределения значительной и постоянно возрастающей доли ресурсов в высшем образовании приводит ко многим конфликтам.

Развитию сотрудничества также препятствует сформированная рейтингами иерархия ценности. Несмотря на свободу международных информационных потоков в образовании и науке, результаты деятельности вузов оцениваются по-разному. Существует четкая иерархия статусов. Однако то, что определяет эту иерархию, — это не глобальная система оценки результатов обучения. Такой системы просто не существует. Мы не проводим сравнительный анализ результатов обучения в разных странах. Глобальная иерархия вузов создается в результате процессов кодификации, оценки и ранжирования, результаты которых затем в обобщенном виде представляются в виде рейтингов и распространяются по всему миру.

Знания оцениваются через параметры, принятые в научных журналах и в иерархии самих журналов, через показатели, связанные с публикациями и цитатами, и в итоге они оказываются в рейтингах, которые в основном основаны на оценке научной деятельности. Шанхайский рейтинг (ARWU), Лейденский рейтинг и Scimago полностью основаны на оценке результатов

научной деятельности вузов, а рейтинг Times Higher Education — более чем на две трети. Если раньше руководящим принципом в экономике науки была репутация того или иного вуза или исследовательского центра, то под воздействием рейтингов формируется институциональная иерархия, которая определяет ценность каждой производящей знания организации и, соответственно, ценность произведенных ею знаний как таковых. Подобный подход и распространение рейтингов означает, что самые сильные университеты продолжают укрепляться в своем господствующем положении.

Повышение эффективности?

А что происходит с эффективностью? Именно ее повышение и является главным обоснованием конкуренции. Если рейтинги действительно основаны на подлинных показателях деятельности вузов и измеряют по-настоящему важные для вузов вещи, то чем выше положение вуза в рейтинге, тем выше эффективность. И если вузы стремятся улучшить свой рейтинг, то они должны повышать свою эффективность. Происходит ли это на самом деле? И да, и нет.

Возможно появление положительного синергетического эффекта между рейтингами, стратегиями и конкретными действиями, направленными на развитие, т.е. когда улучшение одного будет влиять на улучшение другого. Но есть и проблемы. Не все виды деятельности вузов учитываются в рейтингах. Нет индикаторов, позволяющих возникнуть синергии в преподавании и обучении, что создает сложности в стимулировании этой деятельности. Многие научные показатели, учитываемые рейтингами, могут оказаться под влиянием положительной синергии, однако рейтинги уделяют мало внимания гуманитарным и социальным наукам, большинству профессиональных дисциплин и вообще не учитывают научные публикации, написанные не по-английски. А какова ситуация в естественных науках? Некоторые рейтинги могут выступать в роли драйверов развития, а другие нет. К первым при прочих равных относятся рейтинги, которые опираются на внутренне непротиворечивые данные о публикациях и цитируемости (т.е. Шанхайский рейтинг, Лейденский рейтинг, Scimago). Начиная с 2003 года наукоцентрированные рейтинги во многом способствовали росту инвестиций в университетскую науку и повышению ее роли в стратегиях развития университетов.

Впрочем, рейтинги Times Higher Education и QS делают ситуацию еще более неоднозначной. Они тоже открывают возможность для формирования цикла позитивных перемен в той мере, в которой они опираются на надежные критерии измерения научной работы. Подобным эффектом может обладать, например, используемый в рейтинге QS показатель цитируемости в расчете на одного сотрудника или используемые в рейтинге Times Higher Education индикаторы цитируемости и объемов исследовательской работы. «Может» — потому что стимулы к переменам

ослаблены: показатели, непосредственно описывающие науку, заперты глубоко внутри многофакторных показателей.

Показатели интернационализации стимулируют повышение количества иностранных студентов и сотрудников и совместных публикаций, но их вес в итоговых результатах рейтингов невелик: опять же стимулы к изменениям погребены под другими компонентами многофакторных показателей.

Таким образом, может получиться так, что уровень цитируемости в расчете на одного сотрудника или показатели интернационализации университета улучшатся, а его рейтинг снизится из-за результатов репутационных опросов, которые составляют важную часть рейтингов Times Higher Education и QS, но которые при этом не имеют никакого отношения к реальной деятельности. Опросы отражают мнение людей о результатах деятельности вузов, но не содержат конкретных данных об этой деятельности. Таким образом, разрывается связка между прилагаемыми усилиями, реальным прогрессом и рейтингами, которая и является основным элементом цикла перемен. То же происходит, когда рейтинг вуза меняется в результате незначительных методологических изменений. Опять же выходит, что логическая связь между прилагаемыми усилиями, прогрессом и рейтингом отсутствует.

«Но постойте, студентам важна репутация вуза!» — можете сказать вы. Ценность диплома находится в зависимости от сложившейся неформальной иерархии. Это так. И репутационная иерархия сама по себе, составленная по результатам опросов и не затронутая другими факторами, может дать нам важную информацию. Однако один лишь репутационный рейтинг, как бы интересен он ни был, не может быть постоянным стимулом для улучшений. Он может лишь стимулировать игры в рыночное позиционирование. В общем, чтобы репутационные рейтинги шли на пользу общественным интересам и отдельным участникам рынка, репутация должна оцениваться на основе реальных результатов деятельности вузов.

Чтобы пояснить мою мысль, приведу аналогию. Победителем чемпионата мира по футболу становится команда, забившая больше всего голов в отведенное ей игровое время. А что, если ФИФА вдруг решит изменить правила? И вместо того, чтобы оценивать лишь реально забитые мячи, решит добавить 50% очков команде, забившей больше всего голов, и еще 50% очков — команде, признанной лучшей по результатам опросов? Наше доверие к результатам чемпионата снизилось бы, не так ли?

Рейтинги, основанные на множественных индикаторах, содержат огромные массивы данных, но они не могут последовательно служить стимулом прогресса, т.к. не ясна связь между предпринимаемыми в каждой конкретной области усилиями и результатами рейтингов. Появляются разнонаправленные стимулы, а результаты их влияния не видны. В Шанхайском рей-

тинге различные используемые индикаторы довольно хорошо коррелируют между собой, при этом они однонаправлены и содержат схожие стимулы. А вот рейтинги QS и Times Higher Education составляются на основе разнородных индикаторов.

С другой стороны, если разобрать комплексные рейтинги на составные части, то очевидно, что используемые в них показатели действительно могли бы стимулировать повышение эффективности вузов. В таком случае рейтинговая гонка и впрямь могла бы способствовать достижению более высоких результатов, а не улучшению репутации ради репутации как таковой.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9762>

Гонка за рейтингами в период массовизации высшего образования: забудьте о них!

Филип Альтбах, Эллен Хэйзелкорн

Филип Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Эллен Хэйзелкорн — советник по стратегическим вопросам Экспертного совета по высшему образованию Ирландии, почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института. E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Эта статья основана на книгах M. Yudkevich, P. Altbach, and L. Rumbley, eds. The Global Rankings Game (Routledge 2016) и E. Hazelkorn, ed. Global Rankings and the Geopolitics of Higher Education (Routledge 2016).

У нас есть одно очень простое утверждение: университеты всего мира слишком зациклились на своем статусе в национальных или глобальных рейтингах, даже при том, что многие из них никогда публично в этом не признаются. Мы утверждаем, что пришло время остановиться.

Некоторым университетам удастся попасть в вожденные рейтинги или незначительно улучшить свои количественные результаты, но все это не стоит затрачиваемых средств или значительных изменений, вносимых в миссию и академическую составляющую

деятельности вуза. На самом деле практически любой «успех» происходит в результате изменений методологий, которые составители всех рейтингов постоянно производят, для того чтобы они продолжали привлекать к себе внимание общественности и СМИ и были коммерчески рентабельны.

Наш совет особенно актуален для национальных, региональных и профильных университетов и колледжей среднего размера, их стейкхолдеров и правительств их стран. В связи с ростом спроса на высшее образование и повышением экономического и социального запроса на более квалифицированный персонал сегодня под это определение подпадает подавляющее большинство вузов мира. По прогнозам, к 2030 году количество студентов вузов в мире увеличится до 414,2 млн по сравнению с 99,4 млн в 2000 году, то есть на 316%. Для удовлетворения этого спроса будет необходимо в течение следующих 15 лет еженедельно открывать не менее четырех университетов, каждый примерно на 30 тыс. студентов.

Эти университеты — основная опора и для социума, и для местных сообществ, а также залог социально-экономического роста и развития. Они, конечно, будут проводить какие-то исследования, но вряд ли получат мировую известность.

Тем не менее наш совет применим и к университетам, которые считаются флагманскими, то есть лучшими в своих странах или регионах. Это связано с тем, что рейтинги извращают одну из основных задач высшего образования, которая состоит в том, чтобы создавать условия для обретения студентами и выпускниками знаний и навыков, необходимых для успешной, активной и насыщенной жизни, в том числе с учетом того, что ее продолжительность постоянно растет.

Что измеряют и чего не измеряют мировые рейтинги

Сейчас уже всем хорошо известно, что три основных мировых рейтинга (ARWU, он же Шанхайский рейтинг, рейтинг Times Higher Education (THE) и рейтинг QS) оценивают главным образом две вещи: исследовательскую продуктивность и (за исключением ARWU) репутацию вузов среди ученых, работодателей и студентов. Научная продуктивность вуза составляет 90% в THE и 70% в QS, в том числе 33% и 50% соответственно связаны с его репутацией. Составители THE используют субъективный репутационный опрос для оценки качества преподавания, но не ясно, как кто-то может оценивать качество преподавания, находясь вне учебной аудитории. Стремление к интернационализации заставляет отдавать предпочтение количественным, а не качественным показателям, что часто отражает географическое положение страны. Один из таких примеров — Швейцария.

Разработанный Европейским союзом U-Multirank основан на более полном наборе показателей, но пока не получил широкого признания, а другие рейтинги, на

пример Лейденский, очень узкоспециализированные и потому включают небольшой круг вузов.

Растет количество национальных и специализированных версий рейтингов, составляемых самыми разными изданиями — от US News and World Report в США, Macleans в Канаде, Der Spiegel в Германии или Asahi Shimbun в Японии до Глобального рейтинга программ MBA, публикуемого Financial Times, и индонезийского Рейтинга экологичности мировых университетов. Последние из упомянутых созданы на основе обширной базы данных, но не лишены методологических проблем.

...наш совет применим и к университетам, которые считаются флагманскими, то есть лучшими в своих странах или регионах.

Почему университеты должны забыть о рейтингах

Согласно Всемирной базе данных о высшем образовании (<http://www.whed.net/home.php>), в настоящее время в мире насчитывается около 18 000 вузов. Независимо от приложенных усилий и потраченных ресурсов, только очень немногие смогут хотя бы раз попасть в рейтинги. Университеты, представленные в первой сотне рейтингов, составляют лишь 0,5% от общемирового числа, и в них обучается всего 0,4% студентов. Без сомнения, попасть в рейтинги — это само по себе достижение, но удержать свое положение, а уж тем более повысить его — еще более сложная задача. Ожидания растут, поэтому скольжение в рейтингах становится постоянной проблемой, которая неизбежно вызывает негативный общественный резонанс.

Все это происходит из-за ужесточающейся конкуренции, и для того, чтобы ее выдерживать, лидеры рейтингов вкладывают огромные финансовые и человеческие ресурсы. К тому же рейтинги благоволят университетам, которые сильны в естественных, инженерных и медицинских науках. Молодые и небольшие вузы, особенно расположенные в развивающихся странах, а также вузы, в которых нет этих специализаций, ограничены в шансах на победу. Университеты, которые уже оказались на верхушке рейтингов, не стоят на месте и продолжают развиваться. Таким образом, улучшение положения того или иного вуза в рейтингах невозможно без вливания существенных финансовых и прочих ресурсов.

Уроки рейтингов

Рейтинги оказали неоправданно большое влияние на высшее образование и политику. Имеющиеся более чем десятилетние данные по многим странам показывают, как рейтинги повлияли на процесс принятия решений, на поведение преподавателей и исследователей, на распределение ресурсов, на выбор научных приоритетов, включая стимулирование публикаций на английском языке и публикаций в передовых международных журналах, на критерии найма и повышения сотрудников, на организационную структуру вузов, на слияния вузов. Сейчас у многих университетов есть стратегия продвижения в рейтингах и даже подразделения, которые их анализируют.

Как показывает международный опыт, из-за избыточного акцента на науку растет напряженность между ценностями и миссией университетов с одной стороны и стремлением попасть в рейтинги или повысить свое положение в них — с другой. При принятии решений и распределении ресурсов преподавательская работа, бакалаврские программы, гуманитарные и социальные науки оказываются не в приоритете. Некоторые университеты отдают предпочтение звездам мирового научного мира и награждают их привилегиями, которые не получают местные ученые или сотрудники с большим стажем. Существуют примеры того, как университеты в стремлении стать более элитарными и повысить такие используемые в рейтингах показатели, как уровень отсева, процент занятости, уровень зарплат выпускников, объем получаемых от выпускников пожертвований и т.д., пересматривают критерии отбора студентов. Однако подобные решения могут существенно изменить миссию и задачи вуза. Другие примеры показывают, насколько финансово затратными и ведущими к накоплению огромных долгов оказываются статистически незначимые изменения положения вузов в рейтингах.

Фокус на миссии, а не на рейтингах

Наш обобщенный опыт последних лет указывает на то, что рейтинги стали первостепенным фактором, влияющим на высшее образование. Даже Йельский университет недавно объявил о том, что больше не может себе позволить игнорировать их. С авторами статьи недавно связывалось даже руководство одного университета, расположенного в зоне военных действий, озабоченное положением своего вуза в рейтингах.

Это не единственный подобный пример. Поразительно, что сейчас, когда университеты стремятся расширить и защитить академическую автономию от разного рода вмешательств, некоторые из них добровольно решают принимать ключевые решения в зависимости от заданных и изменяемых кем-то правил.

Ведущими стимулами к развитию стали престиж и репутация, а не повышение качества или улучшение результатов обучения студентов, что ведет к дальнейшей социальной стратификации и репутационным

разграничениям. Многие соглашаются с тем, что используемые в рейтингах показатели и применяемые к ним веса имеют смысл, однако нет никаких подтверждающих это международных исследований.

Проблема, о которой мы пишем, крайне актуальна для огромного числа университетов и колледжей, которые тоже попали в омут рейтингов и которые занимают в них среднее или низкое положение. Мы говорим этим вузам и правительствам их стран: займитесь тем, что действительно важно, например помогите большинству студентов получить образование, которое позволит им найти перспективную работу и вести достойную жизнь, а не пытайтесь сделать так, чтобы вузы отвечали критериям, соответствующим требованиям разнообразных рейтингов. Даже если тратить на рейтинги много ресурсов и уделять им большое внимание, положительные результаты не гарантированы.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9759>

Академическая профессия в США под угрозой

Мартин Дж. Финкельштейн

Мартин Дж. Финкельштейн — профессор наук о высшем образовании, Университет Сетон-Холл, США. E-mail: martin.finkelstein@shu.edu.

За последние полвека система высшего образования США стала лидирующей в мире как по размеру, так и по качеству. Конечно, сейчас Китай уже обгоняет США по общему количеству студентов и по числу ежегодно защищающих диссертации аспирантов. И преподавателей в Китае больше, чем в США. Индия тоже грозит скоро обогнать США по размеру национальной системы высшего образования, по крайней мере по количеству студентов.

Американская система высшего образования по-прежнему претендует на звание лучшей по качеству, но и этот статус под угрозой.

Пересмотр ситуации

Таков вывод нового, предельно тщательно проведенного исследования статуса и перспектив академической профессии в США, опубликованного в октябре 2016 года (Martin Finkelstein, Valerie Conley, and Jack Schuster. *The Faculty Factor*. Johns Hopkins University Press, 2016). В этой работе мы учитывали описанные в нашей предыдущей книге признаки ухудшения системы в первое десятилетие XXI века (Schuster and

Finkelstein. The American Faculty. 2006). Наше новое исследование опирается на свежие и ранее недоступные источники, которые мы использовали для того, чтобы отследить судьбу преподавателей американских вузов после мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 году.

Для тех, кто не находится постоянно внутри американской системы, новая книга создает четкую, но при этом подробную картину, которая корректирует представления об идеальной, типичной модели академической работы и академической карьеры в США, представления, которые были сформированы под воздействием книг The Academic Revolution Кристофера Дженкса и Дэвида Райсмана (1968), American Professors Боуэна и Шустера (1986) и даже Academic Life Бёртона Кларка (1987). Идеальная американская модель основывалась на принципах децентрализованного управления, верховенства академической миссии вуза и ведущей роли преподавателей в решении вопросов, касающихся академической жизни, в особенности кадровых решений; на идее бессрочного трудового договора для преподавателей, что обеспечивало академическую свободу, привлекало ученых со всего мира и упорядочивало структуру академической карьеры (которая предполагала шести- или семилетний испытательный срок, после которого преподаватель либо должен был покинуть вуз, либо получал постоянную должность и, соответственно, относительно стабильную карьеру); на идее комплексности академической работы, которая включала в себя и преподавательскую деятельность, и исследовательскую (в широком смысле), и административную с целью формирования взаимодополняющей, синергичной динамики, где каждая функциональная роль способствует укреплению других.

Новая модель в цифрах

Новая модель академической работы в США строится на растущей стратификации профессорско-преподавательского состава и распространении временного найма; на размежевании ранее интегрированных функций (преподавательской, исследовательской и административной); на постоянном перераспределении власти в вузах, даже в академических вопросах, в пользу растущего числа профессиональных штатных управленцев. В настоящее время только 35% преподавателей работают на условиях полной занятости и либо уже получили постоянный трудовой договор, либо имеют возможность претендовать на него; около 50% работают на условиях неполной занятости (обычно читают один-два курса по приглашению); остальные 15% работают на условиях полной занятости, но по срочному трудовому договору, где четко прописаны их функции: они занимаются либо преподаванием, либо наукой, либо управлением образовательными программами (от них не ждут, что они будут делать что-то еще, например принимать участие в процессе управления вузом). С резким увеличением количества

административных ролей (исполняемых в том числе академическими сотрудниками) решения, касающиеся образовательных программ и стратегий, все чаще принимают управленцы, а не преподаватели, а влияние преподавателей резко сокращается до уровня факультетов или даже отдельных учебных программ.

Один из основных выводов, к которому мы пришли в ходе исследования, заключается в том, что почти 60% последнего поколения преподавателей не имеют шансов на получение бессрочного контракта. Половина всех выпускников аспирантуры, защитивших диссертацию в сфере естественных и социальных наук, начинают свою карьеру с временных позиций, позиций постдоков, и лишь немногим счастливицам удастся получить полноценную преподавательскую ставку. Судя по всему, около четверти молодых преподавателей и ученых меняют свое место работы и статус занятости в течение первых трех лет после начала трудовой деятельности. Две пятых преподавателей, работающих на полную ставку, но не имеющих шансов на бессрочный контракт, покидают сектор высшего образования в течение первых десяти лет работы. Тип первого заключенного в академической среде трудового контракта (полная/неполная занятость, срочный/бессрочный наем) во многом задает карьерный путь молодого ученого. Сменить однажды выбранный вариант карьеры практически невозможно. К тому же довольно мало людей приходит в вузы из промышленного сектора или госслужбы.

Новая модель академической работы в США строится на растущей стратификации профессорско-преподавательского состава и распространении временного найма; на размежевании ранее интегрированных функций (преподавательской, исследовательской и административной)...

В среднем американские ученые, как и их коллеги в других странах, сталкиваются с проблемой постоянного увеличения рабочей нагрузки: от них требуют,

чтобы они читали больше курсов, обучали больше студентов и писали больше статей (желательно привлекая также внешнее финансирование, распределяемое на конкурсной основе), при этом объем отчетности тоже постоянно растет. В общем, условия труда стали менее привлекательными, а карьерные перспективы менее обнадеживающими, и это ведет к падению уровня удовлетворенности ученых и преподавателей своей работой, хотя этот уровень по многим меркам по-прежнему довольно высок. На середину 1990-х годов пришелся недолгий период реального роста зарплат в академической среде, после чего уровень оплаты труда стабилизировался, и возвращаться в исходное положение после мирового экономического кризиса он начинает только сейчас. Даже на лучших стартовых должностях (старший преподаватель, имеющий в будущем возможность претендовать на бессрочный контракт) заработная плата недотягивает до уровня медианного дохода семьи. Это ведет к экономической маргинализации даже тех молодых преподавателей, которые работают на полную ставку.

Международный сравнительный анализ

Читателям «Международного высшего образования» будет особенно интересно узнать, что описываемая книга содержит две главы, посвященные непосредственно положению американских ученых и преподавателей в сравнении с их иностранными коллегами. Эти главы во многом основаны на результатах проведенного в 2007-2008 годах исследования «Динамика академической профессии» (CAP). Первая глава описывает тенденции в области интернационализации преподавательской и научной/публикационной деятельности в вузах США. Во второй сравниваются преподавательские, исследовательские и административные функции сотрудников вузов США и других англоговорящих стран, расположенных в Западной Европе и Восточной Азии. Что же мы обнаружили? Во-первых, американские преподаватели оказались такими же обособленными и сосредоточенными на своих интересах, как и в 1991-1992 годах, когда проводилось международное исследование Фонда Карнеги по улучшению преподавания. Не более четверти преподавателей включают международный аспект в свои курсы и научную деятельность, и только треть сотрудничает с иностранными коллегами. Зато международно ориентированных американских преподавателей отличает высокая научная продуктивность и обширный международный профессиональный опыт. В сравнении с сотрудниками вузов других англоговорящих стран, расположенных в Европе и Восточной Азии, американские преподаватели в меньшей степени ориентированы на науку, больше времени уделяют преподаванию, меньше публикуются, обладают меньшим влиянием на процесс принятия общеуниверситетских решений за пределами своего факультета и выработки образовательной стратегии. При этом они

относительно удовлетворены своей работой и довольно хорошо зарабатывают. Таким образом, они не лидируют, но занимают уверенное положение где-то в середине.

Можно сделать вывод о том, что академическая профессия в США становится все более слабой и менее консолидированной, а это ставит превосходство американского высшего образования под угрозу. Это может прозвучать как издевка, по крайней мере для американцев, поскольку многие страны по всему миру копируют американскую модель в рамках своей стратегии по повышению национальной конкурентоспособности в мировой экономике знаний, но сейчас США наблюдают за размыванием базовых принципов, некогда сделавших американскую систему высшего образования лучшей в мире.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9763>

Таджикистан: вызовы для университетов и преподавателей

Зумрад Катаева

Зумрад Катаева — научный сотрудник Института образования Высшей школы экономики, Москва. E-mail: zkataeva@hse.ru.

Высшее образование Таджикистана испытывает тяжелый период. Таджикистан — это маленькая изолированная страна без выхода к морю, население которой составляет 8,5 млн человек. Она граничит с Афганистаном, Узбекистаном, Киргизией и Китаем. Горы составляют 93% территории. После распада Советского Союза система среднего и высшего образования оказалась под серьезным ударом из-за начала гражданской войны и одновременного прекращения субсидий из Москвы. Длительный период образовательных реформ начался только после восстановления политической стабильности в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Распад СССР негативно сказался на престиже академической профессии в постсоветских государствах, поскольку зарплата и возможности для профессионального развития существенно снизились. В то же время либерализация экономики и обещания повысить доступность высшего образования привели к росту спроса и требований общества о расширении высшего образования. Университеты и колледжи начали спешно нанимать слабых преподавателей, потому что самые талантливые и опытные ушли в бизнес или эмигрировали. Оставшиеся вынуждены были

торговать на рынке или перейти в одну из немногих работающих коммерческих компаний или в международные организации. Тем не менее в настоящее время система высшего образования Таджикистана состоит из 38 вузов, где полноценно работают почти 9000 преподавателей и обучаются 167 000 студентов.

Оплата труда

Таджикистан — одна из самых маленьких стран, образовавшихся после распада Советского Союза, ВВП на душу населения в которой составляет всего 926 долларов США. Высшее образование оплачивается за счет бюджета, негосударственных источников и все больше и больше за счет самих студентов. Зарботная плата ректора университета составляет в среднем 550 долларов США в месяц, а заработная плата ассистента кафедры (самая низкая академическая должность) — 69 долларов. Профессора, работающие на полную ставку, получают порядка 270 долларов США в месяц. И хотя уровень оплаты труда постепенно растет, прокормить семью на зарплату преподавателя невозможно.

Компенсационный пакет и условия работы преподавателей вынуждают их искать способы выживания, а о процветании вообще не идет речи.

Стратегии выживания

Пока зарплата учителей и преподавателей остается ниже прожиточного уровня, им приходится искать другие источники дохода. Молодые ученые не хотят работать в университетах, потому что понимают, что их зарплата будет крайне низкой. Компенсационный пакет и условия работы преподавателей вынуждают их искать способы выживания, а о процветании вообще не идет речи. Если им везет, они участвуют в проектах, поддерживаемых международными организациями, работают переводчиками, репетиторами или взаимодействуют с малым бизнесом. Если нет, идут торговать на рынок или бегут из страны в поисках более высокой зарплаты. Тех, у кого нет подработок, поддерживают родители или супруги. В таких условиях преподаватели не заинтересованы в профессиональном развитии и, соответственно, не могут хорошо учить. Более того, преподаватели уверены в том, что

их основная задача (помимо преподавания) — это исследования, но для того, чтобы заниматься наукой, им нужны деньги и время, но вместо этого большинство из них вынуждены тратить время на поиски дополнительного заработка, необходимого для выживания.

Трудности научной работы

Нагрузка преподавателей составляет в среднем 15-20 академических часов в неделю, что не позволяет им уделять достаточно внимания науке и подготовке публикаций. В результате этого количество кандидатов и докторов наук снижается. Большинство библиотек Таджикистана пострадало во времена развала экономики и гражданской войны. Зимой часто не было электричества, во многих архивах не было возможности поддерживать необходимые для содержания книг и журналов температурные условия. Электронные ресурсы малодоступны, а большая часть доступных, как правило, публикуется по-русски, профессиональных ресурсов на таджикском языке практически нет. У преподавателей вузов есть доступ к ряду российских веб-сайтов, но и там за скачивание информации нужно платить. В отличие от большинства развитых стран, внешних источников финансирования науки очень мало. В стране нет ни одной диссертационной комиссии, имеющей право присуждать научные степени. Вплоть до недавнего времени (до 2015 года) все диссертации отсылались на утверждение в российскую ВАК, и эту длительную и недешевую процедуру ученые должны были оплачивать самостоятельно.

Университеты Таджикистана также испытывают проблемы с инфраструктурой. Многим преподавателям приходится работать в аудиториях, где нет компьютеров или электронных досок. Лаборатории тоже не оснащены технологиями, позволяющими студентам и молодым ученым проходить необходимую подготовку. Учитывая все препятствия профессионального и личного характера, с которыми сталкиваются таджикские преподаватели, неудивительно, что мало кто из молодежи продолжает образование и поступает в аспирантуру. Они не верят в то, что дополнительное образование окупится, и обычно уходят из академической среды. Официальная статистика Министерства образования показывает, что менее 30% сотрудников таджикских университетов имеют минимально достаточное для преподавания образование, и это при том, что правительство ставит задачу развития научного потенциала страны.

Перспективы

Несмотря на тяжелые условия, в которых находятся преподаватели таджикских вузов, те, кто продолжает заниматься своей работой, как правило, любят учить и общаться со студентами. По-видимому, это и есть основная причина, по которой они остаются в вузах. Впрочем, одного лишь чувства личной удовлетворенности недостаточно для того, чтобы мотивировать новое поколение университетских преподавателей

выбрать этот путь. Им нужны элементарные условия труда и зарплата, чтобы они могли спокойно жить, полностью посвящая себя преподаванию, науке, производству новых знаний и подготовке квалифицированных специалистов для будущего развития страны. Университетам и правительству Таджикистана необходимо совместно выработать адекватную политику и дать будущим преподавателям возможность почувствовать свою профессиональную значимость в академическом сообществе, что является необходимым условием для включения вузов в мировое образовательное пространство и формирования общества знаний.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9764>

Как сделать Gap year реальностью: шесть вопросов для обсуждения

Дория Абдулла

Дория Абдулла — постдок в Технологическом университете Малайзии и член аналитического центра «Высшее образование без границ» (OVHE). E-mail: doria.abdullah@gmail.com.

Gap year — это такой экспериментальный период, когда можно путешествовать, работать или использовать иные возможности для личностного и профессионального развития. Его обычно берут после школы перед продолжением образования. Его можно проводить в своей стране или за границей, что особенно привлекательно для молодежи. Эта концепция более распространена в США и Великобритании, где уже сформировалась целая индустрия поддержки тех, кто хотел бы воспользоваться этой возможностью.

Власти Малайзии хотят сделать схожую практику неотъемлемой частью обучения в бакалавриате. Об этом объявил 12 января 2017 года в своей новогодней речи министр высшего образования Идрис Джусох. Начиная с 2017 года студенты бакалавриата восьми государственных университетов получают возможность взять паузу в обучении длиной в год. Они смогут пройти производственное обучение, заняться искусством или поработать волонтерами. Эта инициатива нацелена на то, чтобы студенты могли найти себя, раскрыть свой потенциал и повысить свой интеллектуальный уровень. К тому же те, кто воспользуется этой возможностью, будут лучше себя чувствовать на высококонкурентном рынке труда.

Власти Малайзии хотят сделать практику Gap year неотъемлемой частью обучения в бакалавриате.

В этой статье мы рассмотрим шесть актуальных вопросов, которые стоят на повестке дня прямо сейчас, перед тем, как возможность взять творческий отпуск станет реальностью, что запланировано уже на 2017-2018 учебный год.

Вопрос №1: информирование

Концепция годовичного творческого отпуска для Малайзии абсолютно новая. И если понимать заявление министра высшего образования буквально, то в Малайзии творческий отпуск будет отличаться от того, к чему мы привыкли. Все это нужно будет четко разъяснить студентам. Студенты должны будут осознать все преимущества творческого отпуска и понять, что существуют различные способы сделать этот год плодотворным и запоминающимся.

Большое влияние на принимаемые студентами решения оказывают их родители. Родители привыкли к традиционному образовательному процессу и к тому, что по окончании учебы молодые люди начинают работать. Потребуется время, прежде чем родители будут готовы принять идею о том, что их дети имеют право сделать паузу в учебе, чтобы «посмотреть мир». Университеты должны вести просветительскую работу с родителями. В частности, в течение первых, ориентационных недель обучения они должны объяснить родителям новую концепцию и получить их одобрение.

Вопрос №2: когда

Поскольку предполагается, что студенты будут делать паузу в учебе, требуются разъяснения о временных рамках, когда это можно сделать. Может быть, после первого курса, когда студент уже прослушал все фундаментальные курсы? Или после третьего, когда он определился со специализацией и стал взрослее? Или вообще стоит разбить год на две части и взять первые полгода творческого отпуска на втором курсе, а вторые полгода — на третьем?

Вопрос №3: как

Если верить заявлению министра, во время творческого отпуска студенты смогут работать, заниматься волонтерством или углублять свои познания в других, не связанных с основной специализацией областях. Значит ли это, что они должны будут выбрать

какой-то один из трех вариантов или их можно будет совмещать? Один студент захочет весь период работать в какой-нибудь компании, а другой — полгода побыть волонтером в каком-нибудь общественном проекте, а потом пройти полугодовую стажировку в компании. Преподаватели и наставники должны получить какие-то методические материалы, чтобы помочь своим студентам сделать правильный выбор при планировании творческого отпуска.

Вопрос №4: стимулирование к участию

Творческий отпуск может оказаться довольно затратным. Возможно, студентам придется приостановить получение стипендий или заемных средств на время паузы в учебе в соответствии с требованиями организаций, выделяющих финансирование. Смогут ли вузы предоставить студентам стипендии, которые бы позволяли хотя бы частично покрыть расходы в течение этого периода?

Если творческий отпуск не станет обязательной частью обучения, то его будут брать, скорее всего, лишь немногие смельчаки. Будут ли университеты поощрять их, и если да, то как? Может быть, можно будет зачесть какую-то часть творческого отпуска как часть нагрузки, которую необходимо пройти, чтобы успешно завершить образовательную программу? Университетам стоит задуматься о разработке системы стимулов, чтобы как можно больше студентов воспользовалось своим правом на паузу в обучении.

Вопрос №5: совместимость с существующими программами

Пожалуй, дополнением к нынешним планам о реализации студентами творческого отпуска стала бы возможность поработать волонтером за границей, у иностранных организаций — партнеров малайзийских университетов. Это позволило бы увеличить количество малайзийских студентов, участвующих в программах исходящей мобильности. По сути, концепция творческого отпуска в университете должна быть связана с существующей стратегией интернационализации. Факультеты, академические управляющие органы и отдел международных связей должны объединить свои усилия и вместе сделать так, чтобы творческий отпуск стал восприниматься в вузе как деятельность, связанная с интернационализацией.

В последние годы студенты получают базовые знания в области предпринимательства и должны в рамках учебного процесса реализовать небольшой предпринимательский проект. Правительство Малайзии даже сделало еще один шаг: теперь студенты, которые хотят создать собственную компанию во время обучения, освобождаются от оплаты. Можно ли будет студентам развивать собственный бизнес во время творческого отпуска?

Вопрос №6: участие стейкхолдеров и мониторинг

Каждый университет должен разработать четкую стратегию по вовлечению внутренних и внешних стейкхолдеров. Очевидно, что реализация объявленной министром задумки требует поддержки нескольких ключевых групп. Общественные деятели должны предоставлять информацию о подходящих местных проектах, в которых студенты могли бы принимать участие. Вузовские консультанты по развитию карьеры должны пересмотреть свои подходы, чтобы помочь студентам лучше подготовиться к творческому отпуску. Бизнес должен понять концепцию творческого отпуска и предоставить студентам возможности, которые бы обогатили их профессиональный опыт. Кроме того, нужно разработать механизмы мониторинга и оценки эффективности реализации новой программы.

Как бы там ни было, новая инициатива министерства, безусловно, заслуживает похвалы. Идея о том, что студенты смогут брать паузу в учебе, очень перспективная и вполне реалистичная, если все участники получат всю необходимую информацию и инструкции. В долгосрочной перспективе новая инициатива может способствовать повышению конкурентоспособности выпускников государственных университетов на рынке труда, потому что сейчас они уступают своим ровесникам из частных вузов, которые более уверенно владеют необходимыми для работы коммуникативными навыками.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9765>

Каковы преимущества открытия филиалов иностраннх вузов? Опыт Абу-Даби

Джейсон Э. Лейн, Ханс Поль

Джейсон Э. Лейн — руководитель отделения изучения образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани, США; соруководитель исследовательской группы по изучению трансграничного образования (C-BERT). E-mail: Jason.Lane@sunyu.edu.

Ханс Поль — программный директор Шведского фонда за международное сотрудничество в сфере науки и высшего образования (STINT), научный сотрудник группы C-BERT. E-mail: hans.pohl@stint.se.

Региональные и национальные власти, стремясь к повышению экономической конкурентоспособности, ищут возможности для укрепления местного исследовательского потенциала. Для этого используются самые разнообразные подходы. Одни ищут возможности развития уже существующих вузов, а другие выбирают иные стратегии, например создают новые вузы или открывают филиалы иностранных вузов с высоким исследовательским потенциалом.

Мало стран, у которых хватает ресурсов для одновременной реализации нескольких различных подходов к укреплению научного потенциала. Тем не менее в некоторых странах такое случается, и это позволяет сравнивать результаты разных стратегий. Одно из таких мест — Абу-Даби, крупнейший, богатейший и наиболее населенный эмират ОАЭ. Там расположено более 20 вузов, преимущественно частных, часть из них являются международными филиалами, и большинство были созданы в последние 15 лет. Таким образом, кейс Абу-Даби позволяет оценить реальные изменения исследовательского потенциала в результате инвестирования в государственные, частные и иностранные вузы.

Мы будем говорить главным образом о Нью-Йоркском университете в Абу-Даби (NYUAD) — филиале Нью-Йоркского университета, который был открыт в 2008 году и к которому с самого начала предъявлялись высокие требования с точки зрения результатов научной работы. Еще до того, как были зачислены первые студенты, был создан Институт NYUAD, нацеленный на поддержку исследований сотрудников Нью-Йоркского университета, работающих в ОАЭ. Сегодня институт состоит из 12 лабораторий и центров, которые проводят передовые и инновационные исследования. Так как наука с самого начала была одним из приоритетов NYUAD, университет — довольно необычный пример международного филиала вуза, но именно благодаря этому он является хорошим кейсом для оценки его вклада в развитие научной продуктивности.

Оценку количественных и качественных показателей научной продуктивности всех расположенных в Абу-Даби вузов мы начали с анализа библиометрических данных базы Elsevier. Мы взяли данные о количестве публикаций, подготовленных сотрудниками каждого вуза, и их относительном качестве, которое определяется через средневзвешенный по дисциплине индекс цитирования (FWCI). FWCI позволяет сравнивать цитируемость публикаций, подготовленных в отдельных вузах, с учетом дисциплинарных различий, типа и давности публикаций.

Научная продуктивность в Абу-Даби

Если говорить только о количестве научных публикаций, выпущенных вузами ОАЭ в период с 2011 по 2015 год, то Абу-Даби, безусловно, опережает остальные эмираты. Шесть из десяти наиболее производительных с научной точки зрения вузов страны, включая первую тройку, расположены именно в Абу-Даби.

Наивысший индикатор качества исследований в ОАЭ имеет Институт Масдара, второе место занимает Нью-Йоркский университет Абу-Даби.

Лидирует находящийся в Абу-Даби Университет Объединенных Арабских Эмиратов, подготовивший более 3000 публикаций. Университет ОАЭ — старейший и крупнейший вуз страны, основанный в 1976 году, вскоре после создания самого государства, и на протяжении многих лет считавшийся ведущим государственным исследовательским университетом. Второй, третий и четвертый наиболее продуктивные в контексте исследований вузы Абу-Даби — Университет Халифы, Институт Масдара и Институт нефти. Каждый из них является частным и при этом частично финансируется государством, каждый публикует примерно в два раза больше работ, чем расположившийся на пятом месте NYUAD — единственный в первой пятёрке международный филиал, который начал заниматься наукой примерно тогда же, когда и Университет Халифы и Институт Масдара. Интересно, что расположенные в Абу-Даби филиалы двух французских вузов — Сорбонны и бизнес-школы INSEAD — опубликовали менее 20 статей и, соответственно, значительно отстают по научной продуктивности.

Оценивая качество научной работы

Однако если оценивать качество публикаций (используя показатель FWCI) десяти крупнейших вузов, то выводы оказываются другими, и можно говорить о потенциальном влиянии имеющихся у международных филиалов вузов связей. Наивысший индикатор качества исследований в ОАЭ имеет Институт Масдара, второе место занимает Нью-Йоркский университет Абу-Даби. Университет ОАЭ находится на четвертом месте. То есть NYUAD уступает другим вузам ОАЭ по количеству публикаций, но при этом опережает большинство из них по качеству исследований. Что помогает международным филиалам вузов держать такую высокую планку научной работы и опережать местные университеты?

Капитализируя академический капитал

Преимущество международного филиала состоит в том, что он может пользоваться академическим капиталом головного вуза, что способствует более быстрому формированию высококачественной исследовательской культуры по сравнению с молодыми местными вузами. NYUAD готовит меньше публикаций, чем сам Нью-Йоркский университет, да и вряд ли

когда-либо его догонит. Тем не менее по качественным показателям NYUAD не только не уступает головному вузу, но и на протяжении трех из последних шести лет немного превосходил его. Здесь сложно делать конкретные выводы, но, по-видимому, высокие требования, предъявляемые к типу публикаций и качеству журналов, распространяются с головного вуза на его зарубежный филиал. К тому же, возможно, известность Нью-Йоркского университета, чье имя отражено и в названии его филиала, помогает привлечь дополнительное внимание к публикациям его сотрудников, в отличие от работ исследователей молодых и не таких известных местных университетов.

Сотрудничество

В NYUAD доля публикаций, подготовленных в сотрудничестве с иностранными учеными, составила в 2015 году около 80%, что существенно выше, чем в головном университете, который, впрочем, и являлся основным партнером NYUAD по публикациям, что только подчеркивает преимущества международных филиалов. Более того, ученые из NYUAD чаще всего сотрудничают с лидерами международных рейтингов, такими как Гарвард, Оксфорд или Шанхайский университет Цзяотун. Можно предположить, что профессиональные контакты сотрудников NYUAD также способствуют тому, что его показатели лучше относительно других вузов ОАЭ.

Заключение

Научный потенциал вуза нельзя оценивать исключительно по количеству публикаций, однако этот параметр позволяет оценить примерный уровень научной продуктивности и относительное качество вуза, а также понять, насколько серьезно вуз подходит к обязательствам по публикациям, что важно для исследовательских организаций.

Рассмотренный случай показывает, что изначально ориентированный на науку международный филиал вуза может и не обладать особыми преимуществами по сравнению с местными вузами с точки зрения количественных показателей научной продуктивности. Однако если говорить о качественных показателях, то выводы оказываются иными. При таком подходе Нью-Йоркский университет в Абу-Даби оказывается вторым в национальном рейтинге. Возможно, это связано с тем, что к нему изначально предъявляются очень высокие требования со стороны головного университета, или с тем, что он умело использует имя и высокую репутацию головного университета, или с тем, что имеет доступ к профессиональным сетям, куда не входят сотрудники местных вузов.

Интересно, что единственный вуз ОАЭ, с которым NYUAD сотрудничает при подготовке публикаций, — это Университет Масдара, который обгоняет NYUAD и по количественным, и по качественным показателям. Если рассматривать как основное преимущество

открытия филиала иностранного вуза наращивание исследовательского потенциала, то нужно понимать, что отсутствие местных ученых, которые будут сотрудничать с этим вузом, ставит под вопрос эффективность результатов. Для того чтобы полноценно оценить вклад международных филиалов вузов в развитие местной науки, нужно больше данных, однако имеющиеся библиометрические данные указывают на то, что создание международных филиалов вряд ли можно рассматривать как эффективный и быстрый способ наращивания местного научного потенциала.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9766>

Выживание высшего образования в Южном Судане

Куйок-Абол Куйок

Куйок-Абол Куйок — доцент Колледжа образования, Университет Джубы, Южный Судан. E-mail: kuyokabol64@hotmail.com.

Система высшего образования в Южном Судане, государстве, получившем в июле 2011 года независимость от Судана, одна из самых маленьких, но при этом самых проблематичных в Центральной Африке. В этой самой молодой в мире стране пять государственных университетов: Университет Джубы, Университет Бахр-эль-Газалья, Университет Верхнего Нила, Научно-технический университет имени д-ра Джона Гаранга и Университет Румбека, в которых учатся около 20 000 человек, в том числе 1040 аспирантов. Планируется создать еще четыре университетских проекта: Университет Западной Экваториальной провинции (в г. Ямбио), Университет Северного Бахр-эль-Газалья, Научно-технический университет Торита и Университет Бенги.

Система высшего образования в стране с вялой экономикой и отягощенной конфликтами испытывает проблемы, связанные в первую очередь с плачевным состоянием материальной инфраструктуры, недофинансированием и острой нехваткой кадров. Все это влечет за собой серьезные последствия для деятельности вузов. Государственные университеты не справляются с огромным спросом на высшее образование, из-за чего в стране стихийным образом сформировался нерегулируемый сектор частного высшего образования. В Южном Судане уже 13 частных университетов, но официально признаны лишь четыре из них.

В этой статье рассказывается о реалиях пяти действующих государственных университетов. Все они сталкиваются с перечисленными выше проблемами, но у них нет другого выбора, кроме как смириться. Высшее образование в стране выживает благодаря четырем основным факторам: преданные делу преподаватели, межуниверситетское сотрудничество, способствующая развитию высшего образования управленческая структура и международная помощь.

Преданные делу преподаватели

В 2012 году в пяти государственных университетах работало в общей сложности 721 преподаватель, то есть соотношение количества студентов на одного преподавателя составляло 1:28, что вроде бы не так уж плохо. Но университеты испытывают острую нехватку квалифицированных преподавателей. 66% студентов обучается в крупнейшем вузе страны — Университете Джубы, который потерял 561 сотрудника после обретения Южным Суданом независимости, поскольку эти преподаватели были с севера Судана. Университеты Верхнего Нила и Бахр-эль-Газалья (оба основаны после 1991 года) тоже вынуждены были расстаться со многими сотрудниками, которые предпочли остаться в Хартуме, когда вузы вернулись на юг Судана в декабре 2010 года.

Система высшего образования в стране с вялой экономикой и отягощенной конфликтами испытывает проблемы, связанные в первую очередь с плачевным состоянием материальной инфраструктуры, недофинансированием и острой нехваткой кадров.

Кроме того, большинство преподавателей в Южном Судане не обладают необходимой квалификацией. В 2012 году, к примеру, в университетах страны работало лишь 86 человек со степенью PhD. Собранный в том же году статистика показала, что в стране 36 профессоров, 62 доцента, 76 старших преподавателей, 242 младших преподавателя и 262 учебных ассистента. Для реализации образовательных программ

университетам приходится нанимать лекторов, работающих по совместительству. На конец 2016 года такие сотрудники составляли 31% и 60% преподавателей Университета Джубы и Университета Бахр-эль-Газалья соответственно. Кадровый состав остальных трех университетов вызывает аналогичные опасения.

Тем не менее в университетах работают одни из наиболее образованных, опытных и талантливых людей страны. Тщательная процедура отбора кандидатов на работу отличает университеты от коррумпированного чиновничьего аппарата. Что еще важнее, сотрудники вузов полностью преданы своей работе, что минимизирует риски, связанные с нехваткой квалифицированных преподавателей. В Университете Бахр-эль-Газалья, например, профессора руководят 12 аспирантами одновременно.

Межуниверситетское сотрудничество

В целом инфраструктурные проблемы являются для университетов самыми насущными. Инфраструктура и лабораторное оборудование трех старейших вузов, переехавших на юг Судана, остались в Хартуме, а здания Университета Верхнего Нила и Научно-технического университета имени д-ра Джона Гаранга подверглись мародерству в ходе столкновений в декабре 2013 года.

Для снижения остроты проблем руководители вузов начали устанавливать партнерские отношения с другими университетами, что положительно сказалось на их деятельности. Университет имени Джона Гаранга, например, переехал в Бор из-за нестабильной ситуации в Малакале, а Университет Верхнего Нила — в Джубу, где он пользуется зданиями Университета Джубы, в то время как преподаватели Университета Джубы обучают студентов Университета имени Джона Гаранга, работая там по совместительству. Студенты естественнонаучных специальностей Университета Румбека пользуются лабораториями Университета Бахр-эль-Газалья в Вау, а их коллеги из Университета имени Джона Гаранга проводят практикумы в Университете Джубы.

Помимо этого, профессора различных вузов берут руководство над аспирантами Университета Джубы. Наконец, университеты Джубы и Бахр-эль-Газалья принимают в аспирантуру преподавателей других вузов в рамках программы повышения их квалификации.

Способствующая развитию высшего образования управленческая структура

Система высшего образования в Южном Судане подчиняется Министерству высшего образования, науки и технологий. Оно осуществляет технический и административный надзор и следит за соблюдением законодательства. И хотя сам министр — просто назначенный политик, присутствие в министерстве

представителей академического сообщества (например, на должности заместителя министра) позволяет быть в курсе проблем вузов и принимать их во внимание.

Министерство поддерживает университеты, в основном предоставляя государственное финансирование. В 2014 году оно повысило зарплату преподавателей, что помогло вернуть некоторых ушедших ранее специалистов. Количество преподавателей Университета Джубы в 2011 году составляло 251 человек, а в 2016 году — уже 574. Тем не менее это всего 56% от 700 человек, которые работали до отделения Южного Судана. Кроме того, поддержку в сфере повышения квалификации преподавателей южносуданских университетов оказывают некоторые европейские и африканские страны. Благодаря этому многие преподаватели сейчас обучаются в аспирантуре Университета Макерере (Уганда), Университета Замбии или Университета Зимбабве.

Университеты Южного Судана также состоят в Национальном совете по высшему образованию, что способствует укреплению связей между ними и обеспечивает им широкую платформу для взаимодействия. Кроме того, в университетах была введена коллегиальная система управления. Преподаватели, студенты и администраторы участвуют в принятии важных решений, что улучшает внутренние взаимодействия и позволяет университетам принимать решения с учетом всех внутри- и внеуниверситетских аспектов.

Руководители университетов используют связи и политическую интуицию для привлечения дополнительных ресурсов. Они обращаются к членам ученого совета, которые нередко являются влиятельными министрами или депутатами, для того чтобы продвигать свои идеи в правительственные кабинеты. В стране, где неформальные процедуры работают быстрее официальной бюрократии, такой подход приносит нужные результаты.

Международная помощь

Высшее образование — один из самых недофинансированных секторов экономики. Расходы на университеты составляют менее 1% годового бюджета страны. Это затрудняет их деятельность. Руководители университетов тратят получаемые средства на выплату зарплат преподавателям, оплату необходимых услуг и закупку образовательных материалов, например книг. Поскольку правительство не в состоянии финансировать содержание физической инфраструктуры и программ повышения квалификации для сотрудников, вузам приходится полагаться на иностранную помощь.

Международная помощь — это наиболее практичный механизм решения двух основных проблем в секторе высшего образования: отсутствия необходимой инфраструктуры и нехватки кадров. Иностранное финансирование помогает справиться с первой

проблемой. В 2010 году, еще до того, как Южный Судан обрел независимость, Университет Джубы получил от иностранных партнеров — Норвегии и USAID — 6,5 млн долларов США на постройку корпусов юридического факультета. Новые здания используются также другими факультетами и аспирантским центром.

В то время подавляющее большинство преподавателей (87,6%) не имели степени PhD. Поэтому повышение квалификации преподавательского состава стало для международных доноров приоритетной задачей. В начале 2011 года Университет Джубы согласился участвовать в совместном проекте с Политехническим институтом Вирджинии и Университетом Вирджинии, направленном на обучение преподавателей. В августе 2015 года он также подписал меморандум о взаимопонимании с Открытым университетом Танзании с целью развития совместных программ дистанционного обучения. Университет Бахр-эль-Газала подписал аналогичные соглашения с Университетом Макерере в Уганде и Университетом Осло в Норвегии. А в июне 2015 года Техасский университет А&М и Нью-Йоркский университет подписали меморандум о взаимопонимании с Научно-техническим университетом имени д-ра Джона Гаранга. Впрочем, из-за разразившейся войны международное сообщество приостановило поддержку университетов, т.к. все силы были брошены на борьбу с гуманитарным кризисом.

Заключение

Система высшего образования в Южном Судане сталкивается с многочисленными проблемами, и, хотя университеты не могут полностью их преодолеть, они используют различные стратегии выживания в существующих условиях. Опыт Южного Судана позволяет другим странам, находящимся в аналогичной постконфликтной ситуации, извлечь бесценные уроки.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9767>

Гендерное неравенство среди студентов инженерно-технических программ африканских университетов

Эрик Фредуа-Квартенг, Кэтрин Эффа

Эрик Фредуа-Квартенг — консультант по вопросам образовательной политики, Торонто, Канада. E-mail: efredua_2000@yahoo.ca.

Кэтрин Эффа — консультант Комиссии по делам госпредприятий, Гана. E-mail: catherine.effah@yahoo.co.uk.

Африканский философ и педагог Джеймс Эггри (1875-1927) говорил, что, обучая мужчину, вы обучаете лишь одного человека, а обучая женщину, вы даете образование целой семье и даже целой стране. Это утверждение отражает мнение о том, что образование женщин очень важно для развития Африки. Хотя африканские мужчины способствуют развитию континента, бремя отсталости в сфере медицины и охраны детства, сельского хозяйства, а также производства, переработки и хранения продовольствия ложится главным образом на женские плечи. К примеру, сельские населенные пункты Африки лишены доступа к системам водопровода и к неископаемым видам топлива. Поэтому женщины вынуждены проходить огромные расстояния для того, чтобы добыть для семьи воды и дров.

Статистика показывает, что по всему континенту доля женщин среди студентов инженерно-технических программ очень низка. Например, несмотря на то, что Колледжу Фура-Бэй Университета Сьерра-Леоне удалось достичь определенных успехов в привлечении девушек на свою программу по инженерному делу, почти 90% студентов по-прежнему составляют юноши.

Похожая ситуация наблюдается в одном из старейших университетов Африки — Университете Макерере (Уганда). В 2009-2010 учебном году инженерному делу там обучалось 2160 студентов, но девушки составляли лишь 22%. В Университете Руанды этот показатель достиг 20% в 2013-2014 учебном году и 19% в 2014-2015 учебном году. Расположенный в Гане Университет горного дела и технологий зачислил в 2014 году 503 студента, и девушки составили всего 16%. Годом ранее этот показатель достигал почти 20%. В среднем девушки составляют 15-20% студентов этого вуза.

Ясно, что низкая доля женщин среди студентов инженерно-технических программ не может быть вызвана лишь недостатком у них интереса или интеллектуаль-

ных способностей. Малочисленность женщин среди будущих инженеров в африканских университетах очевидным образом связана с тем, что естественные науки и математика традиционно считаются делом мужчин, а также с тем, что общество уделяет образованию мальчиков гораздо больше внимания, чем образованию девочек, и с тем, что стиль преподавания математики и естественных наук в старшей школе не располагает к развитию интереса к этим дисциплинам. Таким образом, вырисовывается проблема социальной несправедливости, которая включает в себя несправедливое распределение возможностей в области получения инженерного образования.

Статистика показывает, что по всему континенту доля женщин среди студентов инженерно-технических программ очень низка.

Гендерный баланс или гендерное равноправие?

Большинство африканских университетов публикует данные о количестве студентов, в том числе о гендерном соотношении. Наглядный тому пример — Университет Кейп-Коста в Гане. Он ежегодно публикует статистику о количестве и гендерном составе студентов. В 1962-1963 учебном году, например, в этом вузе обучалось 155 студентов, из них всего 8% девушек. К 2011-2012 году доля женщин возросла до 33%. В Сельскохозяйственно-технологическом университете имени Джомо Кеньятты в Кении этот показатель также вырос: с 14% в 2012-2013 году до 29% в 2013-2014-м. То же наблюдалось и в Университете Яунде в Камеруне: там девушки составили почти 38% всех студентов в 2015-2016 учебном году, что на 11% больше, чем годом ранее.

Согласно опубликованной статистике других африканских университетов, им тоже удалось улучшить гендерное соотношение среди студентов. И хотя такая статистика помогает отслеживать доступность высшего образования для женщин в целом, данные по конкретным программам, в частности по инженерному делу, отсутствуют. Это верно и для университетов ЮАР, где женщины уже составляют в среднем 53% всех студентов. Похоже, африканские вузы сосредоточились на идее достижения гендерного баланса, но при этом забыли о гендерном равноправии, не обращая внимания на доступность для женщин

образовательных программ разного профиля, в том числе инженерно-технического.

Стратегии социальной справедливости: что можно сделать?

Для повышения доли женщин среди студентов инженерных программ некоторые африканские вузы реализуют одну из следующих четырех стратегий.

- **Контрольные цифры приема:** определенная доля мест на инженерных программах закреплена именно за женщинами. Вузы часто зачисляют абитуриенток, которые не полностью отвечают вступительным требованиям, но близки к этому. Эмпирический опыт Университета Ганы и Университета Дар-эс-Салама (Танзания) показывает, что это довольно эффективная стратегия, однако ее критикуют за то, что она ставит девушек в привилегированное положение и ведет к снижению планки академических стандартов. К сожалению, студентки, зачисленные таким образом, как правило, не получают академической поддержки, которая позволила бы им добиться успеха на выбранной программе.
- **Преимущественное право поступления:** девушки, отвечающие вступительным требованиям, имеют приоритет при зачислении перед юношами. Это довольно простая в реализации стратегия, поскольку она не требует никакой подготовки. Многие африканские университеты, в частности Университет горного дела и технологий в Гане, очень успешно применяют данную стратегию. Проблема в том, что эта стратегия никак не затрагивает вопрос успешной подготовки девушек к поступлению.
- **Повышение уровня подготовки:** абитуриенткам, которые немного недотягивают до вступительных требований, но хотят получить образование, предоставляется возможность пройти курс дополнительной подготовки. Несмотря на все плюсы, этот подход нацелен только на накопление знаний и развитие навыков, но не помогает девушкам обрести уверенность в себе.
- **Условное зачисление:** абитуриентки, которые достигли сносных результатов, принимаются с условием, что на первом курсе они будут получать оценки не ниже определенного балла. Например, абитуриентка, которая набрала 75% по математике, может быть зачислена на программу по инженерному делу с условием, что на первом курсе она будет хорошо заниматься по математическим дисциплинам и наберет не менее 70%. Эта стратегия ставит студенток в ситуацию, когда они испытывают чрезмерное давление, стараясь соблюсти поставленные условия.

Дальнейшие шаги

Все перечисленные меры политики равных возможностей важны для повышения доли женщин среди студентов инженерно-технических программ в африканских университетах. Тем не менее они никак не влияют на фундаментальные причины гендерного неравенства в области инженерно-технического образования. Необходимо решить две первоочередные проблемы: проблему доступности среднего образования для девочек и проблему преподавания девочкам естественных и математических наук в старшей школе. Африканские университеты не должны стоять в стороне, наблюдая, как проблема гендерного неравенства только усугубляется. Они должны активно выступать за образование для девочек.

Старшая школа — основной источник студентов бакалаврских инженерно-технических программ. Девочек, которые успешно осваивают необходимые для поступления на такие программы школьные дисциплины, очень мало, потому что атмосфера в школе не располагает к этому, учителя используют примеры, которые непонятны девочкам, т.к. не имеют отношения к их повседневной жизни, открыто отдают предпочтение мальчикам, а в обществе преобладают патриархальные представления о том, что естественные науки и математика — это удел мужчин.

Африканские университеты могли бы способствовать повышению числа девушек — абитуриенток инженерных программ, разрабатывая программы по преподаванию естественных наук и математики, которые были бы нацелены специально на учениц старших школ, расположенных недалеко от самих университетов. Это помогло бы девочкам развить интерес к техническим наукам, выработать новые навыки в этой области и стать увереннее в себе.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9752>

.....

Монголия: высшее образование и мобильность

Брайс Лу

Брайс Лу — исследователь в World Education Services, Нью-Йорк, США. E-mail: bloo@wes.org.

С тех пор как Монголия вышла из-под влияния Советского Союза и перешла от коммунизма к рыночной экономике, количество студентов, обучающихся за границей, выросло в разы. Бум исходящей мобильности отчасти был спровоцирован многолетними

проблемами национальной системы высшего образования. Хотя в последние годы доля монгольской молодежи, получающей высшее образование, значительно выросла, его качество оставляет желать лучшего, несмотря на непрерывные попытки провести реформу. По-прежнему остро стоит проблема равенства доступа к высшему образованию, в частности для абитуриентов из бедных семей и из сельской местности. Большинство проблем вызвано хроническим бюджетным недофинансированием. Соответственно, Монголия во многом зависит от международных организаций-доноров, которые, выделяя финансирование и техническую помощь, помогают решать проблемы.

Студенческая мобильность, если ею хорошо управлять, может принести Монголии много пользы. Возвращаясь из зарубежных университетов, ученые и студенты привозят навыки и опыт и помогают интернационализации родных вузов. Монголия во многих смыслах является хорошим примером для изучения трудностей и возможностей, возникающих перед малонаселенными странами, которым удается с выгодой для себя управлять потоками студенческой мобильности.

Высшее образование в Монголии

С точки зрения образовательных индикаторов Монголия находится на одном уровне с развитыми странами-соседями, так как ее система высшего образования кардинально расширилась после перехода к рыночной экономике. В 2015 году в монгольских вузах обучалось 162 626 студентов, 68% соответствующей возрастной когорты. А в начале 1990-х годов этот показатель едва достигал 14%. Большинство студентов — девушки, что отражает давно установившийся в стране обратный гендерный разрыв.

Кроме того, существенно увеличилось количество вузов. Большинство из них по-прежнему являются государственными, причем в результате направленной на слияние реформы их количество сократилось с 42 до 16. Количество частных вузов увеличивается в геометрической прогрессии: в 2015 году их было 78. Но студентов в них довольно мало.

Тенденции исходящей студенческой мобильности

Во времена холодной войны большинство монгольских студентов, обучавшихся за рубежом, учились либо в Советском Союзе, либо в странах — союзниках СССР. К 2014 году список основных стран, куда едут учиться студенты из Монголии, стал разнообразнее: Китай, Южная Корея, США, Россия и Япония. Сегодня за границей учится более 15 000 монголов. По сравнению с другими странами, чьи граждане массово уезжают учиться за рубеж, это, конечно, мало, но для страны с населением всего 3 млн человек это довольно большая цифра.

Полностью оплатить обучение детей за рубежом, особенно в странах с высоким уровнем дохода, могут

лишь представители элиты, живущие преимущественно в столице страны Улан-Баторе. Правительство Монголии ежегодно отправляет учиться за рубеж небольшое количество студентов за счет полных стипендий и немного большее число — за счет государственных кредитов на образование. Кроме того, многим студентам, уезжающим в такие страны, как Китай и Россия, а также некоторые другие, расходы на обучение покрываются (полностью или почти полностью) за счет двусторонних стипендиальных программ. Монгольские неправительственные организации, коммерческие предприятия, иностранные правительства и принимающие вузы предоставляют относительно небольшое количество стипендий.

Правительство Монголии ежегодно отправляет учиться за рубеж небольшое количество студентов за счет полных стипендий и немного большее число — за счет государственных кредитов на образование.

Утечка и круговорот мозгов

Одна из основных опасностей — высокая вероятность утечки мозгов. Для начала надо сказать о том, что очень мало известно о числе монгольских студентов и ученых, остающихся за границей. По последним оценкам правительства (за 2010 год), за рубежом проживало более 107 000 граждан Монголии. Студенческая мобильность открыла для многих новые возможности уехать из страны, и люди нередко уезжают вместе с семьями. Примерно в 2011 году Монголия переживала экономический бум: темпы роста были одними из самых высоких в мире, чему способствовало стремительное развитие горной промышленности. Считается, что такой фантастический экономический рост стал основанием для возврата в страну многих эмигрантов. Но в последнее время в Монголии началась экономическая стагнация. Вполне возможно, что это останавливает возвращение других эмигрантов и, наоборот, стимулирует новую волну эмиграции.

Понятно, что помимо оценивания масштабов проблемы Монголия должна выработать возможные

средства противодействия утечке мозгов. Например, ввести стимулы, побуждающие студентов вернуться по окончании обучения. Государственное финансирование высшего образования играет ключевую роль в предотвращении оттока талантов. Увеличение бюджета на исследования и научно-технические разработки способствовало бы возвращению из-за рубежа монгольских аспирантов и ученых. Помимо повышения зарплат в академической среде положительный эффект может дать хорошо зарекомендовавшая себя в Китае система трудоустройства для вернувшихся студентов. И даже если студенты и ученые не вернуться, они все равно могут пригодиться монгольскому высшему образованию через «круговорот мозгов» или научное сотрудничество и обмен знаниями.

Доступность образования для студентов из сельской местности

Доступность международного образования для студентов из сельской местности и неблагополучных семей также вызывает вопросы. Подавляющее большинство вузов, так же как и финансовых и социальных ресурсов страны, сосредоточено в Улан-Баторе. В Монголии давно идет миграция из деревни в город, многие сельские жители переезжают в Улан-Батор и другие города. Сегодня в столице проживает уже почти половина населения страны.

Неизвестно, сколько студентов из сельской местности может себе позволить продолжить обучение за границей, но встающие на их пути барьеры очевидны. Большинство студентов сельских школ, колледжей и университетов, в отличие от столичных студентов, не имеют доступа к информации, так как большинство консультационных центров расположены в Улан-Баторе. У сельской молодежи обычно нет родственников или друзей, которые бывали или тем более учились за границей. Уровень владения английским, равно как и другими иностранными языками, в сельской местности существенно ниже, чем в столице и других крупных городах, хотя английский стал обязательным предметом для изучения на всех уровнях образования. Еще одна проблема — оплата зарубежного образования.

Стипендии

Один из способов решения многих проблем — расширение программы государственных стипендий. Сейчас государство выделяет небольшое число стипендий на обучение по программам бакалавриата и магистратуры в вузах, входящих в первую сотню рейтинга Times Higher Education. Но студентов, которым удастся получить такую стипендию, относительно мало, и большинство из них родом либо из Улан-Батора, либо из других крупных городов.

Правительство Монголии могло бы отправлять больше студентов за рубеж, если бы поддерживало программы краткосрочной мобильности. Аналогично бразильской программе «Наука без границ» Монго-

лия могла бы финансировать годовые стажировки и необходимые интенсивные языковые курсы. В этом случае программы магистратуры и аспирантуры могли бы повысить качество за счет развития мобильности в рамках уже существующих соглашений о партнерстве с иностранными вузами.

Реализация подобных мер сделала бы международное образование доступным большему числу молодых людей, включая хорошо подготовленных студентов из сельских вузов. Развитие сотрудничества с иностранными организациями способствовало бы расширению круга вузов, куда монгольские студенты могли бы поехать. И — что, возможно, еще важнее — если международная мобильность станет частью обучения в монгольских вузах, то стране удастся удержать больше молодежи, получившей заграничное образование.

Двигаясь вперед

Очевидно, что для изучения студенческой мобильности, образовательного и социального контекста, в котором она развивается, необходимо больше данных. Эта информация поможет наладить управление студенческой мобильностью и сделать так, чтобы она приносила больше пользы национальной системе высшего образования и стране в целом. В Монголии должна быть выработана осознанная образовательная политика, позволяющая больше использовать результаты полученного гражданами зарубежного образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ih.2017.89.9753>

Что говорит статистика о трансграничном онлайн-образовании?

Рейчел Мерола

Рейчел Мерола — старший научный сотрудник Наблюдательного центра «Высшее образование без границ» (OBHE). E-mail: rachael.merola@obhe.org.

Первоначально данная заметка была опубликована на сайте OBHE: www.obhe.ac.uk.

Дистанционное образование, массовые открытые онлайн-курсы (MOOC), использование смешанных и интерактивных образовательных форматов делают высшее образование по всему миру более доступным, не требуют физического присутствия в аудитории, и в этой связи технологии рассматриваются как инструмент, который потенциально может значимо

изменить ситуацию с транснациональным образованием (ТНО). Так как новые формы обучения вызывают большой интерес, следует изучить статистику и понять, что она говорит нам о масштабах рынка, особенно в странах, которые активно задействованы как во входящей, так и в исходящей международной студенческой мобильности. Существуют ли данные, подтверждающие то, что студенты на самом деле все чаще пользуются услугами трансграничного онлайн-образования?

Статистика по странам — лидерам по приему иностранных студентов

В США, где учится больше всего международных студентов, большинство университетов так или иначе вовлечено в онлайн-образование: по данным доклада о дистанционном образовании (WCET), который опирается на Интегрированную базу данных по послешкольному образованию (IPEDS), осенью 2014 года 14% от общего числа студентов в США занимались только дистанционно. А примерно каждый четвертый студент (28%) дистанционно изучал хотя бы один курс.

Более того, в период с осени 2012-го по осень 2014 года, когда были собраны данные, количество людей, живущих за пределами США и ставших студентами полностью дистанционных программ американских вузов, возросло более чем на 35 тыс. человек, или на 8,6%. Количество жителей США, ставших студентами дистанционных программ, увеличилось за тот же период на 7%, или примерно на 185 тыс. человек. Параллельно с этим общая численность студентов, получающих высшее образование, снизилась на 2%.

Увеличение количества обучающихся на дистанционных программах в соотношении со снижением приема на очные программы говорит о том, что популярность дистанционного образования растет, хотя доля иностранцев среди студентов дистанционных программ довольно низкая. Из 2 858 792 студентов дистанционных программ, обучавшихся в 2014 году, за пределами США жили только 1,3% (37 788 человек). Остальные либо находились в США (2 730 769 человек), либо не указали место проживания (90 235 человек).

В США трансграничное онлайн-образование необходимо также рассматривать в контексте рынка образовательных услуг для иностранцев. В период с 2012/2013 по 2014/2015 учебный год численность иностранцев, обучающихся в вузах США, увеличилась на 16% и достигла 854 639 человек, то есть она росла быстрее, чем количество зарубежных слушателей дистанционных программ. Однако, несмотря на очевидный рост, нельзя говорить о том, что рынок дистанционного образования для иностранцев в рамках американского рынка образовательных услуг для иностранцев растет непропорционально.

Если говорить о Великобритании, которая является второй после США крупнейшей страной, принимающей иностранных студентов, то там складывается

другая картина с рынком дистанционного образования. Британская Служба сбора статистики о высшем образовании (HESA) утверждает, что количество живущих в Британии студентов дистанционных программ снизилось с 210 005 в 2013/2014 учебном году до 189 865 в 2014/2015 учебном году, или на 10%. Как объяснял в 2016 году Наблюдательный центр «Высшее образование без границ», сокращение может быть связано с падением популярности вечерней и очно-заочной формы обучения, которое было вызвано изменениями в системе кредитования студентов Великобритании: количество студентов таких программ упало за последние пять лет на 41%, то есть 200 тыс. человек, которые могли бы получать образование, его не получают. Крупнейший провайдер дистанционного образования в стране — Открытый университет, большинство его программ реализуются именно в заочном или вечернем формате, и численность его студентов с 2009/2010 учебного года сократилась на треть.

По данным HESA, количество студентов британских дистанционных программ, живущих за границей, немного выросло с 2013/2014 по 2014/2015 год: с 119 700 до 120 475. Но HESA не принимает во внимание, что в этой цифре учтена большая группа студентов, обучающихся на бакалаврской программе по бухгалтерии в Университете Оксфорд Брукс, которых тоже называют «дистанционными студентами». Выпускники этой программы получают двойной диплом университета и Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (ACCA), которая автоматически регистрирует практически всех членов как студентов этой программы. Получается, данные о транснациональном высшем образовании в Великобритании искусственно завышаются.

Авторы опубликованного недавно доклада HEGlobal (совместная инициатива Ассоциации британских вузов и Британского совета) о транснациональном образовании обнаружили, что 70% дистанционных/онлайн-программ Великобритании были разработаны еще до 2000 года и что на программы, разработанные после 2010 года, приходится лишь 4% всех студентов. То есть можно сделать вывод о том, что дистанционный сектор незначительно увеличился за последние годы.

Страны — лидеры исходящей международной студенческой мобильности

Есть ли основания утверждать, что онлайн- и дистанционное образование набирает популярность в стране с высоким уровнем исходящей международной студенческой мобильности? В Индии и Китае, двух крупнейших странах — импортерах студентов, активно развивается рынок онлайн- и дистанционного образования, однако они не публикуют отдельно данные по международному онлайн-образованию.

Правительство Китая активно способствует повышению доступности онлайн-образования по всей стране.

В обеих странах наблюдался значительный рост рынка дистанционного образования, которое стало альтернативой традиционным формам обучения, а также образованию за границей.

По данным Комиссии по распределению университетских грантов (UGC), в 2014/2015 учебном году высшее образование в Индии получали более 26,5 млн человек. UGC не публикует статистику по дистанционному образованию, но есть другие оценки и прогнозы, и они довольно оптимистичны. По оценкам исследовательской компании TechNavio, сейчас 5,42 млн человек в Индии обучаются дистанционно (на различных уровнях образования), а к 2019 году это количество увеличится еще на 10%. В 2014 году рынок онлайн-образования в Индии оценивался в 20 млрд долларов США, и, по прогнозам, к 2019 году оборот в секторе возрастет еще на четверть. А тот факт, что 100 из 140 действующих в стране компаний, занимающихся онлайн-образованием, были созданы за последние три года, показывает, что этот сектор действительно стремительно растет.

Все больше вузов (включая государственные университеты) и организаций оказывает услуги в сфере дистанционного образования: к ним относится, например, Национальный открытый университет имени Индиры Ганди (IGNOU), который был открыт в 1985 году как заочный вуз и в котором учится 700 тыс. студентов. Иностранные университеты, например Гарвард и Массачусетский технологический институт, тоже предлагают онлайн-курсы, используя такие платформы, как EdX. Более того, Индия занимает второе место после США по количеству обучающихся через EdX студентов. Однако данные о росте популярности дистанционного образования не говорят о том, что студенты стали предпочитать предлагаемые национальными или иностранными организациями дистанционные программы традиционному очному обучению.

Китайская система высшего образования сейчас самая большая в мире, за последнее десятилетие количество студентов увеличилось в 6 раз и превысило 33 млн человек. По данным исследовательской компании Ambient Insight Group на конец 2014 года, 16% от общего числа китайских студентов, или 5,28 млн человек, обучалось дистанционно.

По другим оценкам, в 2015 году выручка от дистанционного обучения в Китае достигла 5,8 млрд долларов США, что соответствует 22% всех расходов на образование в стране. Эти данные относятся ко всем уровням образовательной системы, данные по высшему образованию не собираются. В январе 2014 года Министерство образования Китая приостановило действие закона, обязывающего утверждать все новые дистанционные образовательные программы. Несмотря на то что иностранные университеты по-прежнему не имеют права предлагать дистанционное образование в Китае, в 2014 году уже 68 китайских университетов самостоятельно вело онлайн-обучение.

Правительство Китая активно способствует повышению доступности онлайн-образования по всей стране. В мае 2015 года президент Си Цзиньпин призвал к «реформам и инновациям в образовании, которые должны идти в ногу с развитием информационных и коммуникационных технологий и дать всем людям возможность учиться в любом месте и в любое время». Тем не менее выпущенный в апреле 2016 года отчет о качестве высшего образования в Китае (первый подобный документ, опубликованный Министерством образования) вообще не упоминает студентов, обучающихся дистанционно или онлайн.

Необходимость более подробных данных

Для США и Великобритании доступна статистика, которая наглядно подтверждает рост сектора трансграничного высшего образования, хотя более подробные данные, если бы они имелись, позволили бы лучше понять, за счет чего происходит этот рост. В Индии и Китае наблюдается взрывообразный рост рынка онлайн-образования, и, хотя данных именно о трансграничном высшем образовании нет, очевидно, что рост национального рынка онлайн-образования вызван реальным повышением спроса.

Однако делать вывод о том, что онлайн-образование станет популярнее традиционных зарубежных образовательных программ, пока рано. В Индии и Китае привлекательность иностранных онлайн-программ, безусловно, ограничена, потому что полученные в результате такого обучения дипломы в этих странах не признаются. Возможно, онлайн-курсы станут играть более заметную роль в трансграничном высшем образовании в случае распространения смешанных форм обучения.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9768>

Дилемма коммерческого высшего образования Бразилии

Марселу Кнобель, Роберт Верхайн

Марселу Кнобель — директор Бразильской национальной лаборатории нанотехнологий, профессор Института физики им. Глеба Ватагина Государственного университета Кампинаса (Unicamp), штат Сан-Паулу, Бразилия. E-mail: knobel@ifi.unicamp.br.

Роберт Верхайн — профессор наук об образовании Федерального университета штата Баия, старший научный сотрудник Центра им. Леманна по развитию предпринимательства и инноваций в сфере образования в Бразилии, Стэнфордский университет, США. E-mail: rverhine@gmail.com.

Бразилия — страна, занимающая девятое место в мире по валовому внутреннему продукту, население которой составляет около 195 млн человек. 5 тысяч бразильских городов расположены в 26 штатах и одном федеральном округе. Система высшего образования страны довольно необычна, так как в ней относительно мало государственных исследовательских университетов, но зато много частных вузов. Несмотря на стремительный рост системы в последние 15 лет, число студентов университетов среди молодежи в возрасте 18-24 лет по-прежнему менее 20%. В вузах Бразилии обучается около 7,5 млн студентов. 75% этих студентов обучаются в частных вузах, но что еще интереснее — примерно половина из них учится в коммерческих учебных заведениях.

Полвека назад высшее образование в Бразилии было, как и в большинстве других стран, преимущественно государственным. Государственные университеты Бразилии ориентированы на ведение исследований, и обучение в них бесплатное, но расширение сектора государственного высшего образования было существенно ограничено в связи с его высокочрезмерностью и ограниченностью государственных ресурсов. С 1970-х годов лидеры Бразилии делали ставку на частные вузы, удовлетворявшие растущий спрос на высшее образование, упрощали процесс создания таких вузов и вводили для них налоговые льготы. Федеральное правительство закрепило этот подход в конце 1990-х годов, внося в закон изменения, разрешающие открывать коммерческие вузы. Предприниматели от образования и инвесторы быстро создали новые коммерческие вузы, а многие некоммерческие частные вузы изменили свой статус и преобразовались в коммерческие. В 2001 году на бразильский рынок вышел Университет Феникса (американский коммерческий

вуз), и, хотя он и свернул свою деятельность в Бразилии в 2006 году, он проторил дорогу другим крупным международным игрокам. Произошедший после 2005 года сдвиг в сторону увеличения количества коммерческих вузов был вызван и другими факторами, в том числе расширением федеральной программы кредитования студентов, использованием бразильского фондового рынка для привлечения инвестиций, а также стартом федеральной программы предоставления налоговых льгот частным вузам, субсидирующим обучение студентов из бедных семей. Ужесточение при президенте Обаме законодательства США в области коммерческого высшего образования также повлияло на рост коммерческого сектора в Бразилии, поскольку некоторые североамериканские образовательные организации предпочли перевести свою деятельность за рубеж, в страны с более благоприятными правовыми условиями.

В вузах Бразилии обучается около 7,5 млн студентов. 75% этих студентов обучаются в частных вузах, но что еще интереснее — примерно половина из них учится в коммерческих учебных заведениях.

Текущие тенденции в секторе частного высшего образования

Во многих странах коммерческие вузы запрещены. В США расширение этого сектора критически проанализировано и описано, хотя на него приходится всего около 10% от общего числа студентов. Коммерческое высшее образование широко распространено в Китае, но оно сконцентрировано на программах, по результатам которых не присуждаются степени (non-degree education). Во всех странах, где существуют коммерческие вузы, они считаются непрестижными и работают в основном с «нетрадиционными» студентами, которые по разным причинам не смогли обучаться в государственных и некоммерческих вузах. Данные бразильской статистики показывают, что студенты коммерческих вузов, как правило, старше среднего студента, работают, и среди них непропорционально много людей из бедных семей, в которых никто раньше не получал высшего образования.

В настоящее время Бразилия находится в глубоком экономическом кризисе, одним из последствий которого стало существенное снижение в 2015 году

доступности кредитов на образование, субсидируемых федеральным бюджетом. Это ударило по многим коммерческим вузам, и в результате руководители многих вузов решили объединиться с конкурентами. Эти слияния изменили бразильский сектор частного высшего образования и привели к появлению огромных высокодоходных организаций. В 2015 году совокупная чистая прибыль коммерческих вузов в Бразилии составила порядка 14 млрд долларов США. Около 36% этой суммы заработали 12 образовательных мегагрупп, совокупная доля на рынке высшего образования которых составляет почти 30% с ежегодной ставкой прибыли около 21%. Частное высшее образование стало десятым крупнейшим сектором бразильской экономики. А недавно было объявлено о слиянии компаний Kroton и Estácio, которое приведет к созданию крупнейшей в мире частной образовательной организации, и она теоретически сможет обучать более 2 млн студентов.

Новые гиганты высшего образования

Новые гиганты в сфере высшего образования станут причиной дестабилизации всего сектора, поскольку, будучи существенно больше своих конкурентов, окажутся в числе немногих получателей основной части государственных средств, выделяемых в форме кредитов на образование. Несмотря на заявления о том, что финансовые цели никогда не будут превалировать над социальными обязательствами, опыт других секторов экономики и других стран показывает, что желание получить в краткосрочной перспективе как можно более высокую прибыль, как правило, берет верх над долгосрочными образовательными задачами. Это означает, что значение высшего образования как общественного блага будет существенно снижено по сравнению с задачей быстрой финансовой отдачи.

Качество образования, предоставляемого сегодня коммерческими вузами Бразилии, вызывает большие сомнения. Они обычно попадают на последние строки по оценке образовательных результатов студентов, а также испытывают проблемы, связанные с инфраструктурой, качеством преподавания, финансовой стабильностью. Стоит подчеркнуть, что большинство студентов коммерческих вузов обучается на таких низкокзатратных программах, как юриспруденция, педагогика, управление или гуманитарные науки. Эти программы характеризуются большими студенческими группами, низким уровнем оплаты преподавателей, низкими ожиданиями студентов, отсутствием стратегии по снижению отсева. Помимо этого, качество программ страдает от слишком быстрого разрастания, опережающего предпринимаемые правительством усилия по поддержанию минимальных стандартов через реализацию комплексных национальных систем оценки вузов и образовательных программ. Национальная аттестационная система не предусматривает отдельного подхода к оценке коммерческих вузов и одинаково применяется в отношении всех вузов.

Кроме того, она нацелена на оценку достижений студентов, завершивших обучение, а не всех обучавшихся. Поскольку многие из тех, кто поступает в коммерческие вузы, так и не заканчивают обучение, они оказываются выключенными из системы оценки, что еще больше осложняет понимание проблем. Хотя сторонники развития коммерческого высшего образования утверждают, что качество управления в подобных вузах в последнее время улучшилось и они стали выделять больше средств на поддержание материальной инфраструктуры и расширять образовательные возможности, подобные заявления требуют скрупулезного изучения.

Тенденция к расширению сектора высшего образования, безусловно, является серьезным поводом для беспокойства. Совокупный эффект, вызванный созданием образовательных гигантов, по-прежнему не ясен. Смогут ли небольшие некоммерческие частные колледжи и университеты выдержать конкуренцию и выжить? Как будут учтены потребности местных сообществ? Планируют ли коммерческие образовательные организации выйти на рынки других стран Латинской Америки и других регионов? Какие шаги предпримет правительство для оценки качества и регулирования деятельности крупных игроков рынка высшего образования? Каковы будут результаты лоббизма и другой политической деятельности, которой займется такие могущественные образовательные организации? Это лишь некоторые вопросы, с которыми сейчас сталкивается Бразилия. Мировому сообществу, безусловно, стоит следить за происходящим, потому что расширение коммерческого высшего образования в Бразилии явно является предвестником аналогичных общемировых тенденций.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9769>

Колумбия: проблемы стремительных реформ

Иван Ф. Пачеко

Иван Ф. Пачеко — научный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, консультант Всемирного банка и Министерства образования Колумбии. E-mail: ivanfpacheco@gmail.com

«Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!» (Перевод Н. Демуровой. — Ред.) Эти слова Королевы из «Алисы

в «Зазеркалье» отлично иллюстрируют ситуацию, в которой оказались многие страны с точки зрения стратегии развития высшего образования. Перемены происходят очень стремительно, а правительства и университеты, как правило, не в состоянии быстро к ним адаптироваться. Эта проблема особенно остро стоит в развивающихся странах, и Колумбия не исключение. Недавно правительство выступило с рядом смелых предложений. Но опыт других стран показывает, что реформы могут растянуться на десятилетия, а срок пребывания большинства президентов у власти значительно короче.

Самая образованная страна

Колумбия — один из лидеров инновационной и прогрессивной образовательной политики. ICETEX — правительственное агентство, выдающее кредиты на обучение, — было первой в мире организацией подобного рода, а Колумбия — одной из первых стран Латинской Америки, создавших аккредитационное агентство. Тем не менее в настоящее время Колумбии не удается внедрить политику, которая бы позволила стране идти в ногу с переменами, происходящими в области высшего образования.

В национальном плане развития на 2014-2018 годы, разработанном президентом Хуаном Мануэлем Сантосом, образовательной политике уделено больше внимания, чем в любом из предыдущих планов. В главе 6, озаглавленной «Колумбия, самая образованная страна», описывается стратегия правительства в сфере образования. Особое внимание уделено роли высшего образования и научных исследований, при этом приоритет отдается сглаживанию взаимодействия между образованием, наукой и промышленным сектором. Эта идея не нова: на протяжении нескольких десятилетий попытки наладить плодотворное сотрудничество между академическим миром и промышленностью давали весьма иллюзорные результаты.

Согласованная и объединенная система

Национальный план развития президента Сантоса описывает ряд новых инициатив, направленных на формирование более гармоничной системы высшего образования, причем многие из предложенных мер уже успешно реализуются в других странах. В числе новых предложений — создание национальных квалификационных стандартов, создание системы накопления и перезачета [академических] кредитных единиц и создание национальной системы контроля качества.

Если реформа системы обеспечения качества, которая предполагает реорганизацию множества уже существующих структур и процессов, может не занять много времени, на осуществление других инициатив может уйти не один год и даже не одно десятилетие.

Национальные квалификационные стандарты позволяют структурировать уровни образования с точки

зрения того, какие квалификации получают студенты и каких результатов они достигают в конце обучения. Внедрение подобных стандартов оказалось успешным шагом образовательного регулирования в таких странах, как Австралия и Ирландия. В Латинской Америке схожие проекты реализовали Чили и Эквадор, но там они привели к неоднозначным результатам. Опыт показывает, что внедрение такой системы — это долгосрочный процесс. В некоторых странах до появления задуманных результатов прошло несколько десятилетий.

Предлагаемые к внедрению в Колумбии национальные квалификационные стандарты должны будут охватить все уровни и типы образования (как в австралийской модели). Сейчас различия между уровнями системы высшего образования не очевидны. Например, обществу, а иногда и экспертам не очевидно, в чем разница между образовательными программами, одна из которых заканчивается выдачей диплома *técnico profesional* («технический специалист»), а другая — дипломом *tecnólogo* («технолог»). Схожие проблемы наблюдаются и с некоторыми специалитетами, магистратурами и аспирантскими программами. Если внедрение национальных квалификационных стандартов приведет к определению четких различий между разными типами программ, а также к упрощению мобильности студентов между ними, это станет важным результатом реформы.

Национальный план развития президента Сантоса описывает ряд новых инициатив, направленных на формирование более гармоничной системы высшего образования, причем многие из предложенных мер уже успешно реализуются в других странах.

Система накопления и перезачета кредитных единиц — еще одна стратегия, внедрение которой в короткие сроки может быть затруднено. Мексика и Чили недавно разработали инструменты перезачета кредитных единиц. В Мексике благодаря инициативе Национальной ассоциации университетов (ANUIES)

появилась возможность академической мобильности для студентов, обучающихся в университетах — членах ассоциации. Аналогично в Чили инициатором создания системы перезачета кредитных единиц стал Совет ректоров чилийских университетов (CRUCH). Но, во-первых, в обеих странах реализация этих проектов заняла годы, во-вторых, в них участвуют только добровольно присоединившиеся вузы, а в-третьих, они не охватывают внеуниверситетский сектор образования. Правительство Колумбии предпочло более смелый и, соответственно, более сложный в реализации подход: система должна способствовать развитию мобильности между различными образовательными секторами, включая центры неформального образования, учреждения профессионально-технического образования и университеты. Ожидается, что все образовательные заведения будут включены в предлагаемую систему, однако этот вопрос еще окончательно не решен.

Анонсируемое в национальном плане намерение «создать» систему послешкольного образования привело многих в замешательство, поскольку в общественном представлении в Колумбии уже существует система высшего образования. Различия между нынешней «системой высшего образования» и предлагаемой «системой послешкольного образования» непонятны. Министерство образования утверждает, что новый термин вводится с целью повышения статуса профессионально-технического образования в стране путем создания двух взаимосвязанных направлений обучения — университетского и профессионально-технического. В теории описать, что объединяет и что различает два этих сегмента, несложно, но на практике их интеграция может привести к осложнениям.

Политика перемен

Безусловно, большинство стратегий и подходов, предлагаемых в национальном плане развития президента Сантоса, релевантны стоящим задачам. Другой вопрос — как их реализовать. Некоторые идеи и инициативы потребуют времени: они должны созреть, развиваться, получить поддержку стейкхолдеров. Реформы такого уровня несовместимы с сочетанием такого ограниченного срока полномочий правительства и темпами привыкания академической среды к изменениям. Правительство Сантоса делает все возможное, чтобы запустить свои смелые реформы до 2018 года (Сантос не может избираться еще раз). Однако правительство столкнулось с еще одной проблемой: министр образования и его заместитель по вопросам высшего образования, которые и подготовили проект реформ, недавно ушли в отставку. Новый министр пообещал продолжить их начинания, но ему нужно войти в курс дела, а время уходит. Интересно, что ведущая роль в реализации реформ постепенно переходит от Министерства образования к Министерству труда и Национальной образовательной

службе (SENA) — государственному учреждению, которое предоставляет профессионально-техническое и высшее образование.

Правительству не удастся реализовать многие компоненты реформы без поддержки других игроков в области высшего образования, включая, конечно, университеты. Пока предпринятые усилия по обсуждению предполагаемых реформ не принесли положительных результатов, даже несмотря на то, что некоторые вузы поддерживают определенные элементы предложенных правительством нововведений, масштаб и потенциальные последствия реформ еще только предстоит осознать.

У правительства Сантоса осталось менее двух лет. Министерство образования объявило о намерении достичь заявленных в национальном плане развития целей, но это весьма амбициозное заявление с учетом существующих сроков. Необходимо трезво оценить, что можно сделать в оставшееся время, и сосредоточиться именно на этом. Чрезмерно энергичные попытки провести реформы могут привести к провалу. «Опрометчивость — плохой наставник», — писал Александр Дюма, или, выражаясь словами Белого Кролика, «чем больше я спешу, тем сильнее отстаю».

Дисклеймер

В этой статье автор выражает исключительно собственные взгляды. Они могут не совпадать с позицией Всемирного банка или Министерства образования Колумбии.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9770>

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

89

Весна
2017

